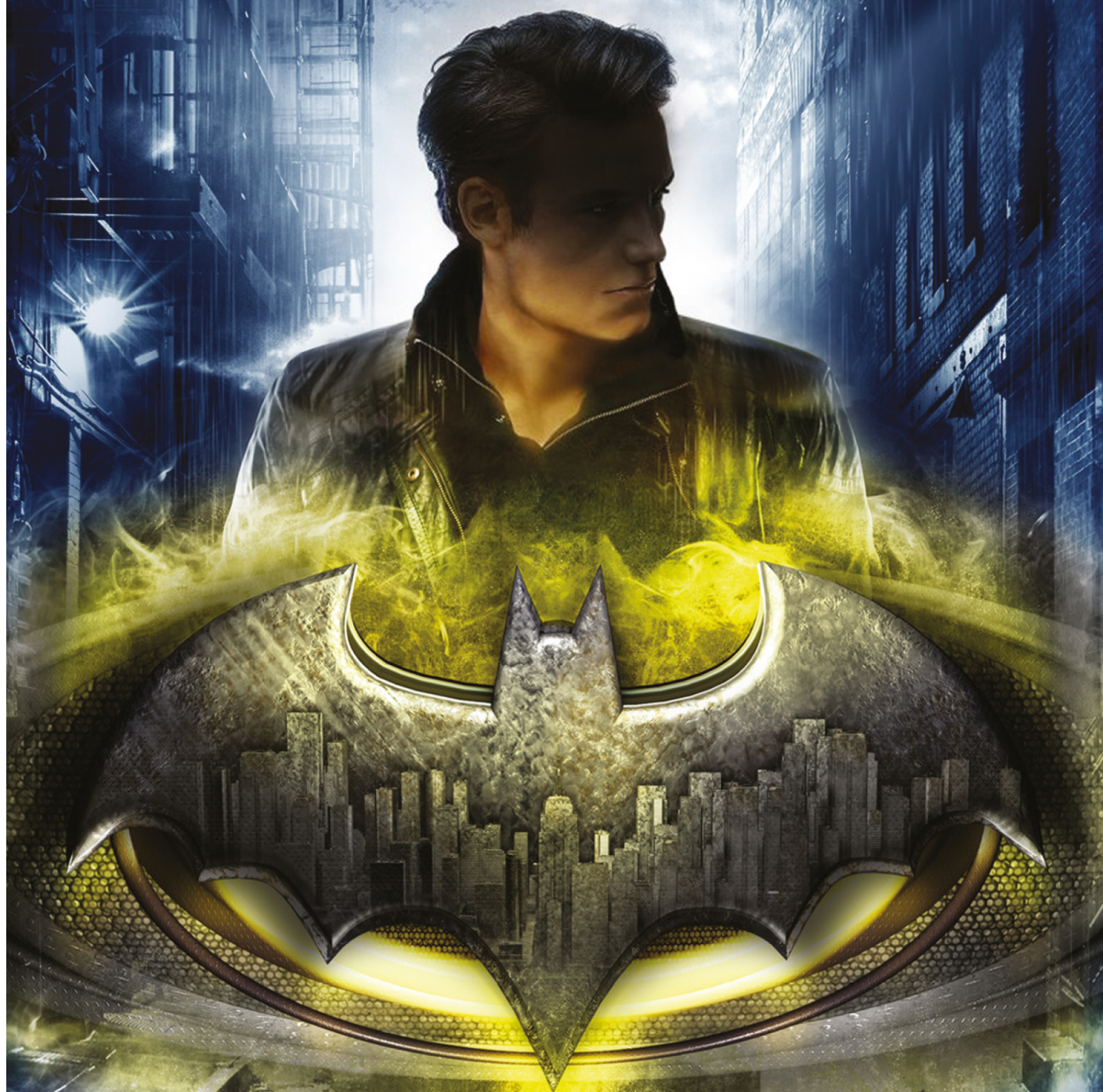

От автора бестселлеров #1 *New York Times*

МЭРИ ЛЮ

БЭТМЕН
НОЧНОЙ БРОДЯГА

DC Icons Series

Мэри Лю

Бэтмен. Ночной бродяга

«АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Лю М.

Бэтмен. Ночной бродяга / М. Лю — «АСТ», 2018 — (DC Icons Series)

ISBN 978-5-17-107787-7

Один за другим богатые и влиятельные люди Готэма подвергаются нападениям: преступная банда вламывается в особняки и безжалостно расправляется с их хозяевами. Тем временем Брюсу Уэйну исполняется восемнадцать, и он вступает во владение огромной империей Уэйнов, а также становится обладателем коллекции самых умопомрачительных гаджетов, о которых только может мечтать молодой человек. Немудрено, что такие изменения слегка вскружили юноше голову. За мелкое правонарушение полиция отправляет Брюса на общественные работы в лечебницу «Аркхэм», на деле оказавшуюся тюрьмой для самых жестоких преступников города...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-107787-7

© Лю М., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	16
Глава третья	21
Глава четвертая	26
Глава пятая	33
Глава шестая	37
Глава седьмая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мэри Лю

Бэтмен. Ночной бродяга

Marie Lu

BATMAN: NIGHTWALKER

© А. Ионов, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Посвящается ДАЙАН

Брюс Уэйн был бы счастлив иметь такого друга.

Пролог

Под ногти попала кровь. Какая гадость.

«*Глупые, дешевые, бесполезные перчатки*», – недовольно подумала девушка. Сегодня она натянула аж две пары, но неудачный взмах ножом рассек сразу оба слоя, и вот теперь она испачкала кровью руки. «*Как глупо*». В любую другую ночь она бы не стерпела подобного. Она остановилась бы и тщательно, методично вычистила из-под ногтей все алые сгустки, один за одним. Но сегодня на это не было времени.

«*Нет времени, совсем нет времени*».

Лунный свет озарил стены особняка, коснулся распростертого на полу обнаженного мужского тела. Девушка отметила, что по сравнению с остальными у этого кровь вытекала как-то иначе. Она образовала идеально ровный круг, словно диск гладкой глазури на кексе.

Девушка вздохнула и запихнула баллончик красной краски обратно в рюкзак, затем собрала несколько разбросанных по полу тряпок. На стене напротив подсыхал символ, который она только что закончила рисовать.

Сегодня все шло не по графику. Сначала система безопасности на входе в особняк сэра Гранта оказалась неожиданно сложной, а затем старый аристократ, вместо того чтобы мирно спать в своей постели, оказался на ногах и первым заметил их. Они опаздывали. Девушка ненавидела опаздывать.

Она в спешке металась по спальне, собирая инструменты и складывая их в рюкзак. Всякий раз, как она проходила мимо очередного окна, лунный свет выхватывал из темноты черты ее лица. Мама говорила, что она с рождения похожа на куколку: большие, блестящие темные глаза; длинные, очень длинные ресницы, тонкий нос, рот в форме бутона розы, фарфоровая кожа. Аккуратные прямые брови придавали лицу беззащитное выражение.

В этом все и дело. Никто не мог разгадать, кем она была на самом деле, пока не становилось слишком поздно. Пока под ее ногтями не запекалась кровь.

Во всей этой спешке у нее распустились волосы и черным водопадом упали на плечи. Девушке пришлось остановиться и снова собрать их в хвост. И, конечно же, пара-другая волосков успела выпасть и затаилась где-то на полу, превосходные улики для полиции. Но это не имеет значения, если ей удастся сбежать. Какой грязный побег, так не похоже на нее.

«*Я убью их*, – с горечью подумала девушка, – *оставили меня прибраться...*»

Где-то в ночи раздался вой сирен.

Она замерла, повернув голову в направлении звуков и прислушиваясь. Рука инстинктивно метнулась к одному из прикрепленных к бедру ножей. Затем она бросилась бежать. Девушка двигалась беззвучно, словно тень, лишь рюкзак чуть слышно колотил по ее спине. На бегу девушка обмотала черным шарфом нижнюю часть лица, спрятав нос и рот, и надела визор. Особняк моментально превратился в сеть тепловых сигналов и зеленых линий.

Сирены быстро приближались.

Она снова замерла, прислушиваясь. Сирены слышались с разных сторон – полицейские собирались окружить ее. «Нет времени, совсем нет времени». Девушка метнулась к лестнице, ее фигура полностью растворялась в тенях. Внизу она резко повернула, направившись не к входной двери, а к подвалу. Они перенастроили систему безопасности таким образом, чтобы запретить входную дверь изнутри, но подвал был их путем отхода. Все датчики там были отключены, а оконные замки ждали ее сигнала.

Когда девушка спустилась в подвал, звук сирен стал оглушающим. Полиция прибыла.

– Открыть окно А, – прошептала она в микрофон. На другом конце комнаты указанное окно открылось с легким, послушным щелчком. Копы соберутся у главного и черного входа,

они не додумаются сразу проследить за стенами большого здания. Они же не знают, что на первом этаже есть неприметное окошко. Девушка побежала быстрее.

Она добралась до окна и за долю секунды подтянулась и выпрыгнула наружу. Спрыгнув на лужайку, услышала голос кричащего в мегафон офицера. На экране визора она видела отметки как минимум дюжины засевших по периметру усадьбы спецназовцев в тяжелой броне. Их лица скрывались под шлемами, а штурмовые винтовки были нацелены на дверь.

В кромешной тьме она вскочила на ноги, стянула визор и приготовилась бежать.

И тут ее окатило потоком яркого, слепящего света.

– Руки вверх! – одновременно закричало сразу несколько голосов. Она услышала звуки взводимых курков, яростный лай рвущихся с поводков полицейских собак. – На колени! Живо!

Они нашли ее. Девушке захотелось выругаться. *«Нет времени, совсем нет времени»*. А теперь и вовсе слишком поздно. По крайней мере, все остальные успели убраться. На долю секунды она задумалась о том, чтобы достать нож, броситься на ближайшего копа и сделать из него живой щит.

Но их было слишком много, а яркий свет слепил глаза, мешал сосредоточиться. Она бы не успела осуществить задуманное прежде, чем полицейские спустили собак. А у девушки не было ни малейшего желания быть загрызенной до смерти.

Так что она просто подняла руки вверх.

Полицейские беспрепятственно повалили ее на землю, ткнули лицом в грязь и траву. Она успела увидеть свое отражение в светонепроницаемых штурмовых шлемах и нацеленные прямо ей в лицо дула винтовок.

– Мы взяли ее! – охрипшим от страха и возбуждения голосом кричал один из копов по рации. – Мы взяли ее! Оставайтесь на связи...

«Вы взяли меня», – эхом отозвалась она про себя, когда холодные наручники сомкнулись у нее на запястьях. Девушка лежала на земле, уткнувшись щекой в грязь, но все равно позволила себе насмешливо улыбнуться под скрывающим нижнюю половину лица черным шарфом.

«Вы взяли меня... на время».

Глава первая

Если и существовал автомобиль, идеально подходящий Брюсу Уэйну, то именно этот – новехонький, собранный по индивидуальному заказу гладкий, темно-серый «астон-мартин» с серебристой полосой на капоте и крыше.

Прямо сейчас Брюс разогнал машину до предела. Устремляясь прочь от Готэма по залитым вечерним солнцем улицам, юноша наслаждался ревом двигателей и тем, как чутко «астон-мартин» откликается на малейшее касание руля. Авто – подарок от «УэйнТех» – было оснащено последними охранными наворотами компании. Плод исторического союза между легендарным автопроизводителем и империей Уэйнов.

Шины протестующе закрипели, когда Брюс сделал очередной резкий поворот.

– Я все слышал, – произнес Альфред Пенниурт с экрана связи и наградил Брюса суровым взглядом. – Помедленнее на поворотах, мастер Уэйн.

– «Астон-мартин» не предназначен для медленной езды, Альфред.

– И не для того, чтобы их разбивали в хлам.

Брюс улыбнулся своему опекуну. Он развернул автомобиль обратно к небоскрегам Готэма, и в его летных солнцезащитных очках отразилось заходящее солнце.

– Никакой веры в меня, Альфред, – легкомысленно заметил Уэйн, – ведь это ты сам и научил меня водить.

– Разве я учил вас водить, словно вы одержимый?

– Обученный одержимый, – уточнил Брюс, плавным движением поворачивая руль. – К тому же, это подарок от автоконцерна, и он под завязку набит техническими наворотами от «УэйнТех». И сегодня я сел за руль с единственной целью – продемонстрировать системы безопасности машины во всей красе.

Альфред вздохнул.

– Да, я помню.

– И как же я смогу сделать это подобающим образом, если сначала не выясню, на что способен этот шедевр?

– Одно дело – демонстрировать преимущества систем безопасности «УэйнТех», совсем другое – дразнить смерть, – ответил Альфред еще более сухо, чем обычно. – Люциус Фокс попросил вас приехать в этой машине на вечеринку, чтобы пресса смогла надлежаще осветить это событие.

Брюс заложил еще один крутой поворот. Бортовой компьютер молниеносно просчитал дальнейший маршрут, на ветровом стекле появились и сразу исчезли несколько полупрозрачных строчек с расчетами. Машина с необычайной точностью откликалась на движения руля, поскольку бортовой компьютер считывал окружающую местность до мельчайших деталей, и была идеально синхронизирована с дорогой.

– Именно этим я и занимаюсь, – настаивал Брюс, широко распахнув глаза, – я пытаюсь успеть туда вовремя.

Альфред трагически покачал головой и смахнул пыль с подоконника в усадьбе Уэйнов. Солнечный свет раскрасил его бледную кожу в золотые цвета.

– Я убью Люциуса за то, что он счел эту идею хорошей.

На губах Брюса заиграла любящая улыбка. Иногда ему казалось, что Альфред своим внимательным, усталым взглядом холодных голубых глаз напоминает лесного волка. За последние годы волосы его опекуна украсила седина, а морщинки в уголках глаз стали глубже. Молодой Уэйн задумался, не он ли стал тому виной, и от одной мысли об этом слегка сбавил скорость.

Наступило то самое время вечера, когда люди могли заметить отправляющихся на ночную охоту летучих мышей. Когда Брюс добрался до центра города, он различил отразившиеся

на фоне тусклого неба силуэты. Зверьки выбирались из самых темных уголков Готэма, чтобы присоединиться к своим сородичам.

Брюс испытал знакомый приступ ностальгии. Его отец как-то сказал, что во всем Готэме едва ли найдется более подходящее место для летучих мышей, чем их усадьба. Уэйн до сих пор помнил, как сидел в детстве на крылечке возле дома, позабыв об игрушках, и с раскрытым ртом наблюдал за тем, как на закате тысячи зверьков огромным роем взмывали в небо. Отец говорил, что каждая мышь обладает индивидуальным сознанием, и все же вся стая умудрялась перемещаться удивительно синхронно.

При этом воспоминании Брюс крепче сжал руль. Его отец должен был сейчас быть здесь, сидеть рядом с ним на пассажирском сиденье и вместе с сыном наблюдать за летучими мышами. Но это, естественно, было невозможно.

Чем ближе юноша приближался к центру, тем мрачнее становились улицы. В конце концов небоскребы полностью скрыли заходящее солнце, погрузив город в тень. Брюс миновал башню Уэйна и финансовое здание «Секо», по соседству с которым на бульварах кучковалось несколько палаток. Какой разительный контраст – столь явное проявление бедности в такой близости от роскошного маяка финансового мира. А неподалеку, под наполовину отремонтированным Готэмским мостом, хаотично ютилось несколько ветхих, бедных домов.

Во времена детства Брюса город выглядел иначе. Брюс запомнил Готэм как внушительные джунгли из стали и бетона. Здесь ездили дорогие машины и козыряли швейцары в черных пальто, царили ароматы свежей кожи, мужской туалетной воды и женских духов. Здесь сверкали лобби изысканных отелей, а городскую гавань освещали палубы ставшей на якорь прогулочной яхты.

Когда рядом были родители, маленький Брюс видел только хорошее. Он не замечал граффити на стенах, мусор в канализации, брошенные тележки, забившихся в темные углы людей и монетки, звенящие в бумажных стаканчиках. Он был беззаботным ребенком, он получал только ту часть Готэма, которую можно было купить за нужную цену, и даже не догадывался, что город способен сделать с теми, кто не может заплатить.

Все изменилось в ту роковую ночь.

Брюс знал, что мысли о родителях будут мучить его в день открытия целевых фондов. Но как бы он ни готовился, воспоминания продолжали оставлять глубокие раны на душе.

Брюс свернул на дорогу, ведущую к Беллингем-Холлу. От тротуара вверх по ступенькам вела красная ковровая дорожка, которую со всех сторон обступили репортеры. Их камеры уже нацелились на подъезжающую машину.

– Мастер Уэйн.

Брюс понял, что все это время Альфред продолжал говорить с ним о безопасности.

– Я слушаю, Альфред.

– Сомнительное утверждение. Вы слышали, как я просил вас назначить на завтра встречу с Люциусом Фоксом? Вам предстоит работать с ним все лето, уже пора хотя бы начать прорабатывать детальный план.

– Слушаюсь, сэр.

Альфред замолчал и наградил Брюса суровым взглядом.

– И ведите себя прилично сегодня вечером. Договорились?

– Я планирую постоять в уголке и не высовываться.

– Очень смешно, мастер Уэйн. Ловлю вас на слове.

– Что, даже не поздравить меня с днем рождения, Альфред?

Только теперь на губах дворецкого выступила улыбка, смягчившая его суровые черты.

– Поздравляю вас с восемнадцатилетием, мастер Уэйн, – он разок кивнул, – и все-таки вы сын своей матери, раз организуете такое событие. Марта бы очень гордилась вами.

При упоминании матери Брюс на мгновение закрыл глаза. Марта Уэйн никогда не отмечала свой день рождения. Вместо этого она устраивала благотворительный аукцион, все собранные средства от которого шли прямиком в Фонд правовой защиты Готэма, общественную организацию, помогавшую людям, которые не могли самостоятельно защищать себя в суде. Теперь, когда ответственность за состояние Уэйнов официально была возложена на его плечи, Брюс собирался продолжить традицию.

«*И все-таки вы сын своей матери*». Но Брюс только отмахнулся от этой похвалы, не зная, как на нее реагировать.

– Спасибо, Альфред, – ответил он, – не жди меня сегодня.

Брюс нажал отбой, остановился перед входом и несколько секунд просто сидел в машине, умиряя эмоции, пока журналисты что-то кричали ему с улицы.

Он вырос в центре внимания, пережил годы, наполненные газетными заголовками о нем и его родителях. «*Восьмилетний Брюс Уэйн – единственный свидетель убийства его родителей! Брюс Уэйн унаследует целое состояние! Восемнадцатилетний Брюс Уэйн отныне самый богатый подросток в мире!*» И так далее и тому подобное.

Альфред был вынужден оформлять ограничительные предписания фотографам, нацелившим объективы своих фотоаппаратов на окна усадьбы Уэйнов, а как-то раз Брюс прибежал домой из младшей школы в слезах, напуганный чересчур ретивым папарацци, чуть было не задавившим наследника семьи Уэйнов на своей машине. Первые годы Брюс пытался скрываться от журналистов. Но спрятавшись в собственной комнате, он никак не помешал таблоидам придумывать новые сплетни.

Однако или ты прячешься от реальности, или находишь с ней общий язык. Со временем Брюс Уэйн смог выстроить эмоциональный щит и заключил с прессой негласное перемирие.

Он показывался на людях в своем тщательно выверенном публичном образе и позволял журналистам заполучить столь желанные фотографии. Пресса же в ответ освещала выбранные им мероприятия. И прямо сейчас на повестке дня стояла попытка «УэйнТех» сделать Готэм безопаснее. Компания разработала новые протоколы безопасности, оберегавшие банковские счета, и новые противоугонные системы, которые совершенно бесплатно получают все автопроизводители, а в городской департамент полиции на службу поступили новые беспилотные дроны.

За минувшие годы Брюс провел бесчисленные ночи, склонившись в спальне над столом и жадно прислушиваясь к переговорам на полицейской частоте или самостоятельно изучая самые тупиковые дела.

Долгими ночами перед рассветом он жег десятки лампочек, изучая чертежи прототипов «УэйнТех», рассматривая сверкающие микрочипы и искусственные суставы, знакомясь с технологиями, которые его компания производила ради безопасности города.

Если для достижения этой цели Брюсу Уэйну нужно было попасть на газетную передовицу, эта цена была невелика.

Когда подскочивший швейцар распахнул дверь, Брюс, тщательно скрыв дискомфорт, одним плавным движением покинул машину и одарил репортеров безупречной улыбкой. Фотокамеры обезумели. Пара телохранителей в черных костюмах и темных очках оттеснила прессу в стороны, освобождая для него дорогу, но репортеры все равно наседали, протягивая микрофоны и выкрикивая вопросы.

- Ждете своего выпуска?
- Наслаждаетесь новообретенным богатством?
- Как вам статус самого молодого миллиардера в мире?
- С кем встречаетесь, мистер Уэйн?
- Эй, Брюс, посмотри сюда! Улыбочку!

Брюс повиновался, лучезарно улыбнувшись. Он знал, что хорошо получается на фотографиях: высокий и худощавый, голубые глаза блестят темными сапфирами на фоне бледной кожи, черные волосы изящно зачесаны назад, костюм сидит идеально, а оксфорды начищены до блеска.

– Добрый вечер, – сказал он, на мгновение замерев возле машины.

– Брюс! – крикнул один из репортеров. – Эта машина ваша первая покупка? – Он подмигнул. – Уже наслаждаетесь своим целевым фондом?

Юноша пристально посмотрел на него, отказываясь заглотить наживку.

– Перед вами новейшая модель «астон-мартина», полностью укомплектованная системами безопасности «УэйнТех». Сегодня вы первыми сможете оценить все достоинства этой модели изнутри.

Он указал на машину, и один из охранников открыл дверь, приглашая журналистов заглянуть внутрь.

– Благодарю вас всех за то, что вы решили посетить аукцион в честь моей матери. Для меня это многое значит.

Он начал говорить о благотворительных инициативах, на которые пойдут собранные сегодня средства, но журналисты продолжили выкрикивать вопросы, полностью игнорируя его слова. Брюс устало посмотрел на них и на мгновение почувствовал себя одиноким и загнанным в угол. Его взгляд скользил по папарацци из желтой прессы в поисках репортеров из серьезных изданий. Он уже мог предугадать завтрашние заголовки: «Брюс Уэйн тратит состояние на машины стоимостью в миллион долларов! Дитя целевого фонда не теряет времени даром!» Но юноша надеялся, что под некоторыми из заголовков будет несколько стоящих статей, в деталях описывающих выполненную в «УэйнТех» работу. Только это и имело значение. Поэтому Брюс остался, позируя фотографам.

Позволив камерам посверкать вспышками еще несколько секунд, Брюс двинулся к главному входу. Наверху лестницы уже толпились другие гости – представители высшего света Готэма, случайные члены городского совета, горстка почитателей. Брюс поймал себя на том, что классифицирует в толпе всех без исключения, это был один из навыков выживания, приобретенных после смерти родителей. Там были люди, жаждущие пригласить богатого наследника на обед только в надежде вывести из него сплетню-другую. Люди, которые с готовностью предадут своих друзей, чтобы стать его приятелями. Ненароком забредшие богатые одноклассники, из зависти распускающие о нем лживые слухи. Девушки, которые на все пойдут ради свидания с ним и уже на следующее утро расскажут все подробности желтой прессе.

Но внешне Брюс выглядел спокойно и вежливо со всеми здоровался. Всего несколько шагов до входа. Нужно только попасть внутрь, и там уже он сможет...

– Брюс!

Знакомый голос прорезался сквозь хаос. Брюс оглянулся и заметил девушку, которая встала на цыпочки и махала ему с вершины лестницы. Темные волосы струились до плеч, огни прожекторов подчеркивали шоколадный оттенок ее темной кожи и изящные округлости бедер. Усыпанное блестками платье переливалось серебром при каждом движении хозяйки.

Настороженное поведение Брюса мигом испарилось, юноша облегченно улыбнулся. Дайан Гарсия. Категория: настоящие друзья.

Когда Брюс добрался до Дайан, она инстинктивно повернулась спиной к толпе за бархатными канатами стоек ограждения у подножия лестницы, в попытке заслонить юношу от сверкающих камер.

– Фирменное опоздание на собственный день рождения? – с улыбкой спросила она.

Он благодарно подмигнул ей, наклонился и прошептал на ухо:

– Как всегда.

– Этот аукцион – безумие, – продолжила Дайан, – думаю, ты можешь установить новый рекорд по сумме собранных денег.

– Слава богу, – ответил Брюс, обнимая собеседницу за плечи, – в противном случае я позировал для камер просто так.

Девушка рассмеялась. В детстве Дайан однажды выбила зуб мальчику, задиравшему ее друзей. В выпускном классе она на спор целиком выучила первую главу из «Повести о двух городах»¹. Она могла целый час изучать меню, прежде чем заказать тот же бургер, что и всегда. Теперь же Дайан с нежностью подтолкнула его, подхватила под руку и провела сквозь распахнутые двери зала, оставляя репортеров позади.

Внутри освещение было приглушенным, свисавшие с высокого потолка люстры сияли ярко-серебряным и белым светом. На длинных банкетных столах высились ледяные скульптуры и подносы с едой. Еще один стол был заставлен аукционными лотами, слегка подрагивающими от звучащей музыки.

– Я думал, у тебя сегодня собеседование в колледже, – произнес Брюс, перекрикивая шум. Дайан стащила с одной из стоек для десертов лимонное пирожное. – Но ты не подумай, я не жалею.

– Оно уже закончилось, – ответила девушка с набитым ртом. – В полдень я должна была забрать брата от бабушки. К тому же, как я могла лишиться тебя своего общества? – Она наклонилась поближе и зловеще прошептала: – Так я намекаю тебе, что не принесла никаких подарков.

– Вообще никаких? – Брюс притворно приложил руку к груди. – Ты разбиваешь мне сердце.

– Если хочешь, я всегда могу испечь тебе торт.

– Пожалуйста, только не это.

Когда Дайан в последний раз пыталась приготовить печенье, она устроила на кухне Брюса пожар, и битый час после этого они ломали голову, как спрятать сожжённые кухонные занавески, чтобы о происшествии не узнал Альфред.

Дайан разок сжала его руку.

– В таком случае придется довольствоваться ужином в закусочной.

Много лет назад Брюс, Дайан и Харви Дент договорились не дарить друг другу подарки на дни рождения в обмен на ежегодный ужин в их любимой местной закусочной. Там-то они и встретятся сегодня вечером после окончания аукциона, и Брюс Уэйн сможет отбросить в сторону свой облик мультимиллиардера и снова превратиться в юношу на пороге окончания средней школы. Он будет выслушивать подколки своих лучших друзей, они обедаются жирными бургерами и обоьются плотными молочными коктейлями. Уэйн улыбнулся в предвкушении.

– Итак, – спросил он. – Как прошло интервью?

– Ну, интервьюер не поседел в ужасе от моих ответов, так что рискну предположить, что все прошло хорошо, – девушка пожала плечами.

В переводе на нормальный язык это означало, что девушка справилась с интервью на отлично. Впрочем, она со всем в этой жизни справлялась на отлично. Брюс уже давно научился распознавать это пожатие плечами, когда Дайан пыталась преуменьшить свое очередное достижение – высшую оценку на вступительных экзаменах, зачисление во все университеты, в которые она подавала документы, или почетную роль выпускника, выступающего с прощальной речью от их класса уже в следующем месяце.

– Поздравляю, – произнес он. – Хотя, думаю, ты уже слышала это от Харви.

Дайан улыбнулась.

¹ Вышедший в 1859 году исторический роман Чарльза Дикенса о временах Французской революции.

– Единственное, что я от него сегодня слышала, так это мольбы не бросать его в одиночку на танцполе. Ты же знаешь, как обе его левые ноги обожают танцевать.

Брюс рассмеялся.

– А разве он брошен там в одиночку прямо сейчас?

Дайан озорно улыбнулась:

– О, он способен пережить две минуты в одиночестве.

Чем ближе они подходили к танцполу, тем громче становилась музыка. Наконец они прошли через двустворчатые двери и очутились на балконе, выходящем на переполненное помещение внизу. Здесь от звуков музыки сотрясались стены. По полу расстилались клубы дыма. Внизу, на сцене, красовалась изящная стойка, за которой в такт музыке кивал головой диджей. Позади него на огромном – во всю стену – экране сменялись двигающиеся, мигающие узоры.

Дайан сложила руки рупором и крикнула во всю мощь:

– Он здесь!

Танцпол взорвался громовым приветствием, заглушившим даже звуки музыки. Все собравшиеся в зале затянули «С днем рождения тебя». Брюс улыбнулся и помахал толпе. В этот самый миг диджей ускорил трек, а затем резко опустил бит, и толпа лихорадочно затрясла руками.

Брюс позволил ритмичной музыке заполнить все его чувства, и неловкость постепенно сошла на нет. Дайан повела его вниз по лестнице в самую гущу толпы. Пока он приветствовал одного человека за другим и фотографировался с некоторыми из них, девушка словно испарилась в этом клубке тел, слившемся в странную мешанину из знакомых и незнакомых лиц, силуэты которых в темноте очерчивали неоновые огни.

«Вон она!» Дайан добралась до Харви Дента, пугающе бледного в свете клубных огней. Один из лучших друзей Брюса Уэйна отчаянно пытался двигаться в такт музыке. При виде такого зрелища Брюс улыбнулся, а затем стал пробираться к друзьям. Они помахали ему в ответ.

– Брюс!

Уэйн повернулся на голос, но прежде чем он успел ответить, кто-то уже усердно хлопал его по плечу. В поле зрения появился улыбающийся человек, белоснежная улыбка казалась еще ярче на фоне бледного лица.

– Эй... с днем рождения, мужик!

Ричард Прайс, сын нынешнего мэра Готэма. Брюс удивленно моргнул. В последний раз они разговаривали всего несколько месяцев назад, но Ричард уже успел подрасти на несколько дюймов, и теперь Уэйну приходилось немного задирать голову чтобы встретиться с собеседником взглядом.

– Эй, – сказал он, обнимая Ричарда в ответ, – а я и не думал, что ты придешь.

– И пропущу такую вечеринку? Не дождешься, – ответил Ричард. – Мой папа здесь... ну, по крайней мере, был в аукционном зале. Он не пропустил ни одного аукциона твоей матери и не собирается пропускать их и впредь.

Брюс настороженно кивнул. Когда-то они были лучшими друзьями, жили на разных концах одного и того же закрытого эксклюзивного квартала богатых имений, ходили в одну и ту же среднюю школу, посещали одни и те же вечеринки, одно время даже занимались кикбоксингом в одном и том же спортивном зале. Играли в видеоигры в гостиной у Брюса, хохотали до колик в животе. Даже сейчас от одного только воспоминания об этом у Уэйна предательски сжался желудок.

Но все изменилось, когда они повзрослели. Со временем Ричард попал в довольно специфическую категорию друзей, которые звонят только тогда, когда им что-нибудь нужно.

Интересно, что ему потребуется сегодня.

– Эй, – произнес Ричард, отвернувшись в сторону. Не убирая руку с плеча Брюса, он указал в сторону выхода. – Мы можем где-нибудь поговорить? Всего пару секунд?

– Конечно.

Молодые люди покинули танцпол и уединились в более тихом помещении. В ушах у Брюса звенело. Ричард повернулся к Брюсу и одарил собеседника энергичной улыбкой. Вопреки всему настроение у Уэйна улучшилось. Это была та же самая улыбка, что и в детстве, когда Ричард узнавал нечто необыкновенное и спешил поделиться своей находкой с лучшим другом. Может, он и правда приехал только затем, чтобы отметить день рождения Брюса?

Молодой Прайс шагнул поближе и понизил голос:

– Слушай, – произнес он, – отец с меня не слезает. Постоянно спрашивает, нашел ли я стажировку на лето. Выручишь?

Робкое чувство надежды испарилось, сменившись до боли знакомым тягостным ощущением разочарования. Ричарду опять что-то понадобилось.

– Могу порекомендовать тебя Люциусу Фоксу, – начал было он, – «УэйнТех» набирает стажеров...

Ричард отрицательно затряс головой:

– Нет, нет, мне не нужна настоящая стажировка. Я хочу, чтобы ты замолвил за меня словечко перед отцом, рассказал ему, что этим летом я по горло занят в «УэйнТех» – и пару раз провел меня в здание.

Брюс уставился на него:

– Ты просишь меня подделать твою стажировку, чтобы отец от тебя отстал?

Ричард равнодушно ткнул его кулаком в плечо.

– Это же последнее лето перед колледжем. Я не хочу тратить его на работу... брось, Уэйн, ты же знаешь, каково это, не так ли? Просто скажи отцу, что я работаю на Люциуса. Плевое дело.

– И как ты рассчитываешь все это провернуть?

– Я же говорю... Своди меня пару раз в офис «УэйнТех». Сфоткай меня в фойе или еще где-нибудь. Это все, что потребуется отцу.

– Даже не знаю, приятель. Если Люциус пронюхает об этом, он расскажет твоему отцу правду.

– Да ладно тебе, Брюс! Ради старых добрых времен, – улыбка не сходила с лица Ричарда, он снова разок встряхнул Уэйна за плечи. – Это же твоя собственная компания, не так ли? Ты позволишь этому ботану говорить тебе, что ты должен делать?

Брюс рассердился. При знакомстве Прайс разве что ноги Люциусу не целовал.

– Я не собираюсь тебя прикрывать, – сказал он, – если ты хочешь сказать отцу, что стажирешься в «УэйнТех», тебе придется действительно пройти там стажировку.

Ричард раздраженно фыркнул.

– А тебе-то какое дело?

– Ты настаиваешь?

– Тебе нужно всего лишь пару раз упомянуть об этом отцу. Это не будет тебе ничего стоить.

Брюс покачал головой. Когда они были детьми, Ричард то и дело без предупреждения появлялся у парадных ворот усадьбы Уэйнов и безостановочно говорил в домофон, держа в руках самую свежую видеоигру или новейший набор коллекционных фигурок. Затем в какой-то момент их диалоги переключались с любимых фильмов на просьбы Ричарда дать ему списать домашку, закончить их совместный проект в одиночку или замолвить за Прайса словечко на работе.

Когда он успел так измениться? Даже сейчас Брюс понять не мог, когда или почему все пошло не так.

– Я не могу, – произнес Брюс, снова покачав головой, – прости.

На глаза Ричарда словно опустилась пелена. Он вглядывался в лицо Брюса, словно в поисках другого ответа, а когда так и не нашел его, скорчил гримасу и засунул руки в карманы.

– Ага, как скажешь, – пробормотал он, огибая Уэйна и направляясь к выходу, – я понимаю, как обстоят дела. Тебе исполняется восемнадцать, ты получаешь ключи от собственной бизнес-империи, и вот ты уже внезапно слишком хорош, чтобы помогать друзьям.

– Ричард, – позвал Брюс. Юноша остановился и оглянулся. Уэйн на мгновение вгляделся в его лицо. – Если бы ты не нуждался в моей помощи, пришел бы ты сегодня на вечеринку?

Повисла пауза, и Брюс понял, что нет, не пришел бы. Прайс же лишь пожал плечами, развернулся и, ни слова не говоря, направился к выходу.

Брюс на какое-то время застыл посреди комнаты в полном одиночестве, прислушиваясь к доносящейся из-за дверей музыке. Внезапно он испытал странное ощущение, будто все окружающее чуждо ему, даже его собственная вечеринка. Он представил толпу своих друзей и одноклассников на танцполе и задумался, пришел бы кто-то из них кроме Харви и Дайан на его праздник, если бы его звали не Брюс Уэйн. Репортеры снаружи уж точно не стали бы утруждаться.

Если бы он был не Брюсом Уэйном, а просто мальчиком из соседнего двора, было бы кому-нибудь до него дело?

Вместо того чтобы вернуться на танцпол, Брюс пересек зал в противоположном направлении и вышел через невзрачную дверь, ведущую наружу. Он обошел здание вокруг и наконец добрался до парадного входа. Журналисты уже закончили снимать «астон-мартин» и теперь толпились наверху в ожидании особенных гостей, припозднившихся на вечеринку или же, наоборот, решивших улизнуть пораньше. Никем не замеченный, юноша сел в машину. Один из присматривающих за репортерами охранников заметил его как раз в тот момент, когда Брюс захлопнул дверцу и завел двигатель.

– Мистер Уэйн, сэр! – позвал мужчина, но юноша лишь слегка кивнул ему. Папарацци заметили, что он уезжает, и их болтовня сменилась криками.

Брюс Уэйн втопил педаль газа в пол прежде, чем кто-либо успел до него добраться. Здание быстро исчезло в зеркале заднего вида. Должно быть, это было очень грубо с его стороны, покинуть аукцион так быстро и остаться одному, когда все гости жаждали его внимания. Но Брюс и не думал замедляться или оглядываться.

Глава вторая

Неоновые огни растворялись на вечерних улицах Готэма. Машин на дороге было мало, и Брюс слышал лишь скрип шин по асфальту, рев ветра да звуки его автомобиля, скользящего по автостраде. Именно это его и привлекало в транспорте. Машины подчинялись алгоритмам, а не эмоциям: когда Брюс давил на одну из педалей, механизм давал ему четкий и предсказуемый ответ.

Где-то позади него мелькали фары машин папарацци, пытающихся угнаться за ним. Брюс позволил себе цинично улыбнуться и сильнее утопил педаль газа в пол. Мир вокруг него превратился в размытые полосы.

Послышался резкий сигнал, и механический голос произнес: «Данная скорость не рекомендована для этой дороги». Одновременно с этим в одном из углов ветрового стекла зажглась цифра рекомендованной скорости, и мигающая надпись принялась убеждать Брюса притормозить.

– Игнорировать, – приказал Уэйн. Сигналы тревоги затихли. Он почувствовал, как «астон-мартин» еще сильнее сливается с дорогой, так что даже если Брюс слегка дернется, автомобиль компенсирует его оплошность.

По крайней мере, мрачно подумал он, примочки «УэйнТех» работают как надо. Люциус будет рад это услышать.

Телефон зазвонил, мелодия звонка эхом отдалась в ушах Брюса. Покосившись на экран, он посмотрел, кто звонит. Дайан. Юноша подождал несколько секунд, затем, наконец, ответил на вызов. Голос подруги заполнил салон автомобиля, на заднем плане слышались звуки вечеринки.

– Брюс? – перекрикивая шум, спросила она. – Куда ты делись? Я видела, как ты вышел с Ричардом, а потом мне сказали, что ты уехал, и...

– Я уехал, – ответил Уэйн.

– Что? Ты в порядке? – в трубке послышался взволнованный голос Харви.

– Я в порядке, – заверил друзей Брюс, – не беспокойтесь. Мне просто понадобилось проветриться и прочистить мозги.

На том конце трубки воцарилась пауза, и, наконец, голос Дайан произнес:

– Делай то, что считаешь нужным.

– И если тебе понадобится наша помощь, – добавил Харви, – только свистни.

Дружеские слова успокаивающе действовали на Брюса. Их отношения достигли той стадии, когда каждый из троицы мог почувствовать настроение остальных, и никому не требовалось объяснять что-либо друг другу. Они знали это и так.

– Спасибо, – ответил он и повесил трубку.

Брюс Уэйн понятия не имел, куда едет, но спустя какое-то время осознал, что возвращается обратно в поместье окольным маршрутом. Брюс съехал с автострады на обычную улицу, проехал мимо ряда ветхих многоквартирных блоков. Стены домов были заляпаны уже въевшимися пятнами, образовавшимися от десятилетий контакта с водой и грязью. С протянутых между окнами веревок свисала столь же неопрятная одежда. Из вентиляционных отверстий вздымался пар. Брюс аккуратно вклинился в поток машин, затем развернулся на перекрестке и остановился на светофоре.

За окном автомобиля одинокий старик заползал в свою импровизированную палатку. В другом конце квартала мужчина запихивал в ботинки старую газету. В заваленном мусором переулке играла парочка детей.

Брюс отвернулся. Ему не следовало здесь быть. Однако вот он тут, рассекает по трюцобам на автомобиле, который, скорее всего, стоит больше, чем любой живущий тут человек сможет

заработать за всю свою жизнь. Какое он вообще право имел грустить, учитывая, сколько всего было в его распоряжении?

Его родители всю свою жизнь положили на то, чтобы улучшить положение обитателей этих улиц, на этих самых улицах Томас и Марта Уэйны расстались с жизнью. Цвет светофора сменился на зеленый. Брюс вздохнул и завел двигатель. В Готэме много что пошло не так, но все еще можно было исправить. Он найдет способ это сделать. Вот то бремя, что легло ему на плечи.

Вскоре улицы изменились, снова исчезли разбитые светофоры и зарешеченные окна. Папарацци медленно, но верно настигали его. Если Брюс не оторвется от них сейчас, журналисты проследуют за ним напрямик до парадных ворот усадьбы Уэйна, один за другим придумывая заголовки о том, почему он так рано покинул вечеринку. Подумав об этом, юноша нахмурился и начал повышать скорость до тех пор, пока снова не включился сигнал тревоги.

Полицейские сирены он услышал только на следующем светофоре.

Сперва Брюс подумал, что полиция гонится за ним и собирается прищучить его за превышение скорости. Затем юноша осознал, что сирены доносятся с совершенно другого направления, причем, судя по звукам, издает их не одна машина, а, по меньшей мере, десяток.

Любопытство пересилило плохое настроение. Нахмурившись, Брюс прислушался к звукам. Он провел столько времени за самостоятельным изучением уголовных дел, что теперь полицейские сирены заставляли его садиться ровнее. Для торговых районов высшего класса, мимо которых сейчас проезжал юноша, такое количество полицейских машин казалось чрезмерным. Брюс свернул с пути домой и направился в ту сторону, где звучали сирены.

За очередным поворотом вой стал просто оглушающим. В конце улицы мигали красные огни полицейских машин. Белые заграждения и желтая лента полностью перегородили движение на перекрестке. Даже отсюда Брюс заметил сгрудившиеся вместе пожарные машины и черные фургоны спецназа. На фоне мигающих огней туда-сюда сновали силуэты стражей правопорядка.

В салоне снова раздался механический голос, следом на ветровом стекле появилась полупрозрачная карта местности. «Впереди серьезная полицейская активность. Предлагаю пути объезда».

В груди проклюнулись первые червячки страха.

Брюс смахнул карту и резко затормозил прямо перед заграждением. И ровно в тот же момент ночной воздух прорезали ни с чем не сравнимые звуки перестрелки.

Уэйн помнил эти звуки слишком хорошо. В памяти всплыла сцена гибели родителей, все тело охватила слабость. *«Еще одно ограбление. Убийство. Вот что это такое».*

Затем Брюс покачал головой. *«Нет, этого не может быть».* Для простого ограбления здесь слишком много копов.

«Выйдите из машины и поднимите руки вверх», – прокричала в мегафон женщина-офицер, ее слова эхом отразились от окрестных стен. Голова Брюса дернулась в ее сторону. На какое-то мгновение юноша подумал, что офицер обращается к нему, но следом он заметил, что страж порядка стоит спиной к нему, всматриваясь в угол здания, на котором красовалась вывеска «Беллингем Индастриз Энд Ко».

– Это последнее предупреждение, Ночной бродяга! Ты окружен!

Мимо машины Брюса пробежал другой полицейский. Этот офицер остановился и замаршировал рукой, приказывая Брюсу развернуться. Хриплым от страха голосом он произнес:

– Немедленно уезжайте. Здесь небезопасно.

Прежде чем Уэйн успел ответить, позади офицера распустилась ослепляющая вспышка взрыва. Улица содрогнулась.

Прикрытие машины не спасло юношу от тепловой волны. Все окна в здании лопнули одновременно, на тротуар посыпался дождь из миллионов осколков стекла. Полицейские

дружно отступили в укрытие, прикрывая головы руками. Осколки градом заколотили по ветровому стеклу машины Брюса.

Внутри оцепления послышалось движение. Белая машина на предельной скорости выскочила из-за угла. Уэйн моментально понял, куда метит водитель – в узенькую щель между заграждениями, сквозь которую только что въехал фургон спецназа.

Машина устремилась прямо туда.

– Я сказал, убирайтесь отсюда! – закричал Брюсу офицер. По его лицу стекала тоненькая струйка крови. – Это приказ!

Брюс услышал скрежет покрышек по асфальту. Он тысячи раз бывал в гараже своего отца, помогая ему возиться с бесчисленным количеством двигателей от лучших автомобилей в мире. В «УэйнТех» юноша заворожено наблюдал за многочисленными испытаниями собранных по особому заказу двигателей, прототипов ракетных двигателей, маскировочных устройств и разнообразных новых транспортных средств.

Поэтому одну вещь Брюс Уэйн понял сразу – что бы ни было установлено под капотом этой белой тачки, департаменту полиции Готэм-Сити за ней не угнаться.

«Они никогда его не поймают».

«Но я смогу».

Пожалуй, «астон-мартин» был единственным автомобилем, способным догнать преступника, только у машины Брюса был достаточно мощный двигатель. Юноша проследил за предполагаемым маршрутом белой тачки, взгляд зацепился за висящий в конце улицы указатель, ведущий к автостраде.

«Я смогу поймать его».

Белая тачка проскочила сквозь лазейку в ограждении, задев две полицейские машины.

«Ну, нет, не в этот раз». Брюс утопил педаль газа в пол.

Двигатель «астон-мартина» оглушающе взревел, и машина сорвалась с места. Что-то кричавший ему офицер полиции отшатнулся назад. В зеркале заднего вида Брюс увидел, как коп встает на ноги, и машет другим полицейским, высоко задрав обе руки вверх.

– Не стреляйте! – донеслись до Уэйна крики офицера. – Гражданский в зоне поражения, не стреляйте!

Машина беглецов резко свернула на первом перекрестке, несколько мгновений спустя Брюс повторил их маневр. Улица виляла зигзагами, а потом по широкой дуге выходила к автостраде. Ночной бродяга рванул в сторону шоссе, оставив после себя облако выхлопных газов и две черные полосы на асфальте.

Брюс следовал за преступниками по пятам. «Астон-мартин» идеально вписался в поворот и по идеальной траектории выскочил на шоссе. Уэйн дважды ткнул пальцем по ветровому стеклу как раз в том месте, где виднелся автомобиль Ночных бродяг.

– Следуй за этой машиной, – приказал Брюс.

В реальной жизни эта опция позволяла двум машинам ехать в связке, не теряя друг друга в плотном трафике. Теперь автомобиль преступников высветился на ветровом стекле зеленым светом, и механический голос «астон-мартина» подтвердил, что цель захвачена. В уголке ветрового стекла появилась маленькая карта, точно указывающая местоположение беглецов. Теперь водитель белой тачки сколько угодно мог пытаться сбросить Брюса с хвоста, ускользнуть у него все равно не получится.

Брюс нахмурился и еще сильнее утопил педаль газа в пол. Все тело покалывало от прироста адреналина.

– Игнорировать, – приказал он в ту же секунду, как машина попыталась притормозить. Брюс мчался по шоссе, перестраиваясь с полосы на полосу и обгоняя более медленных участников движения. «Астон-мартин» с невероятной точностью реагировал на все пожелания хозя-

ина, как будто бортовой компьютер точно знал, с какой скоростью надо ехать и где можно проскочить через чересчур узкое пространство.

Брюс уже нагонял беглецов, и Ночной бродяга это понял. Его машина начала резко вилять из стороны в сторону. Немногие оставшиеся на шоссе автомобили пытались резво убраться в сторону, когда гонщики пронеслись между ними.

Машина Брюса и часть шоссе перед ее капотом внезапно очутились в круге ослепительно-яркого света. Юноша оглянулся и увидел низко летящий над автострадой черный вертолет, следующий за ними по пятам. Где-то вдали мигали сирены полицейских машин, но они быстро отставали и вскоре скрылись из глаз.

«Какого черта я вообще творю?» – отстраненно подумал Брюс, но убирать ногу с педали газа не стал. Напротив, он наклонился ближе к рулю и сильнее утопил педаль в пол. Его взгляд сфокусировался на виляющей впереди белой машине.

«Еще чуть-чуть». Брюс был так близко, что мог разглядеть водителя, оглянувшегося назад, чтобы оценить расстояние между ними. Белая машина обогнула грузовик, везущий партию гигантских труб, вынуждая водителя перестроиться на полосу Брюса. «Астон-мартин» предупреждающе библикнул и автоматически вильнул в сторону. Уэйн резко вывернул руль. На краткий миг ему показалось, что он врежется в бок грузовика, но машина на миллиметры разминувшись с грузовиком, идеальный расчет.

В эту секунду, несмотря ни на что, Брюс почувствовал себя неуязвимым, даже настоящим. Он не замечал ничего, кроме своей цели и биения собственного сердца.

Сверху из вертолета донесся усиленный микрофоном голос:

– Остановитесь, – приказывал он, – гражданский, немедленно остановитесь. Вы будете арестованы. Остановите машину!

Но Брюс нагонял свою цель. «Почти, почти». Уэйн крепче сжал руль, надеясь, что все рассчитал правильно. Если он ударит Ночного бродягу в нужную точку, то скорость и сила трения доделают все остальное, и машина перевернется. «Все закончится здесь».

«Альфред меня убьет».

Брюс ударил по рулю ладонями. От предвкушения того, что он собирался сделать, сердце на мгновение забилося чаще.

– Прости, дорогая, – пробормотал он, обращаясь к машине.

Затем он увеличил скорость. На этот раз бортовой компьютер попытался помешать ему, и Брюс почувствовал, как сопротивляется руль.

– Внимание! Опасность столкновения!

– Игнорировать! – закричал Брюс и врезаясь в заднее крыло Ночного Бродяги.

Металл с лязгом вгрызся в металл.

Брюса изрядно потрянуло, голова дернулась в сторону, тело согнулось в дугу, а ремень безопасности с силой впился в грудь. Шины белой машины взвизгнули... а может, это были шины «астон-мартина», кто знает. А затем юноша увидел, как автомобиль Ночного бродяги перевернулся и взмыл в воздух. Мир вокруг содрогнулся. На мгновение перед Брюсом промелькнуло бледное, залепанное кровью лицо водителя. Глаза мужчины были широко распахнуты от ужаса.

Белый автомобиль перевернулся на крышу. Металлическая рама сплющилась, во все стороны брызнули стекла. Брюс ошарашенно тряхнул головой. Прошло не больше секунды, но ему казалось, что он уже целую вечность наблюдает за тем, как секция за секцией сгибается металл кузова, а миллионы осколков разлетаются по сторонам.

Полицейские окружили машину, взяв водителя на прицел. Похоже, он был в сознании, но особого значения это не имело – мужчина висел вниз головой, его руки безжизненно свесились.

– Не двигайся, Ночной бродяга, – закричал один из полицейских, – ты арестован.

Брюс почувствовал еще один приступ слабости. Один из стражей порядка направился в его сторону, что-то злобно выкрикивая. Брюс услышал, как бортовой компьютер связывается с Альфредом и отправляет координаты места аварии Альфреду и полиции.

Опекун Брюса ответил после первого же гудка, его голос звучал нервно и напряженно:

– Мастер Уэйн! Мастер Уэйн!

– Альфред, – услышал Брюс собственный голос, – подбросишь меня?

Ответа он уже не разобрал. Честно говоря, Брюс вообще сомневался, что услышал слова Альфреда. Он запомнил лишь то, что безвольно откинулся в кресле, а свет вокруг померк.

Глава третья

Присутствие на месте преступления. Неподчинение приказам полиции. Препятствие правосудию.

Если Брюс и хотел избежать попадания в новостные сводки после хаоса на своем восемнадцатом дне рождения, таран машины преступника на своем новом автомобиле был не лучшим способом это сделать. Особенно прямо перед выпускным.

Но пресса хотя бы отвлеклась от разговоров о его родителях и унаследованном богатстве. Теперь газетные заголовки спекулировали на физическом состоянии самого Брюса, а первые полосы украшали фотографии его покоренного «астон-мартина». Сразу же после аварии в сети всплыли слухи о возможной смерти юного миллиардера наряду с предположениями, что в момент столкновения Брюс Уэйн был пьян или пытается удрать от полиции.

– Насыщенная получилась пара недель? – поинтересовался Люциус Фокс с противоположного конца стола.

Они сидели вместе в комнате ожидания в зале суда, наблюдая по телевизору репортаж о погоне за Ночным бродягой. Как раз в этот момент «астон-мартин» Брюса протаранил машину преступников. С момента аварии прошло уже две недели, но Брюса по-прежнему мучили головные боли – последствия перенесенного сотрясения. По состоянию здоровья юноша и так уже пропустил целую неделю занятий, а вторую провел, подвергаясь бесконечным вопросам со стороны одноклассников и дежурящих у ворот усадьбы репортеров. Однако, наблюдая за телевизионными репортажами, Брюс не мог скрыть удовлетворения. Любой, даже Люциус, понял бы, что преступникам удалось бы скрыться, не вмешайся Уэйн.

Правда, суд это мало волновало.

– По крайней мере, наша машина показала все, на что она способна, не так ли, – отважился заметить Брюс, – этого хватит для испытания ее средств безопасности?

Люциус вопросительно изогнул бровь, не в силах сдержать легкую усмешку, затем вздохнул и покачал головой. По крайней мере, сегодня на его лице не было того панического выражения, с которым он впервые посетил Уэйна в госпитале и увидел юношу под капельницей.

– Это все моя вина, – ответил Фокс, – мне не следовало просить тебя отправляться на мероприятие на «астон-мартине».

– Ну, зато я оказался в нужное время в нужном месте.

– Или не в то время не в том месте, Брюс. Зачем ты это сделал? У тебя неожиданно проснулось желание вершить справедливость?

Полицейские тоже первым делом спросили его именно об этом, но Брюс до сих пор не знал, что на это ответить.

– Полагаю, потому что я знал, что смогу его остановить, – произнес юноша, – и знал, что полиция не сможет. Что мне оставалось делать? Остаться в стороне и наблюдать?

– Ты не работаешь в правоохранительных органах, Брюс, – потеплевшим голосом произнес Люциус, – ты не можешь так запросто вмешиваться в их работу.

Брюс никак не отреагировал на замечание собеседника. Если бы он мог каким-то образом вмешаться в события в том переулке несколько лет назад, сейчас его жизнь сложилась бы совсем иначе.

– Я больше так не буду, – ответил он вместо этого.

По телевизору показывали, как полицейские окружили вторую машину и вытащили водителя из-под обломков.

– Этот Ночной бродяга занимал один из самых низких постов в группе, – произнес репортер, – о Бродягах до сих пор мало что известно, но полиция опубликовала символ, который преступники оставляют на месте каждого правонарушения.

Ночные бродяги. Брюс вспомнил, что именно кричали полицейские в ночь аварии. За последний год он часто слышал это название в новостях. На самом деле, полиция подозревала, что убийца того бизнесмена, сэра Гранта, также принадлежала к банде. На телевизионном экране появилось изображение – монета, обьятая языками пламени. Этот символ регулярно встречался на стенах зданий в местах различных преступлений. Было что-то зловеще личное в этом символе – символе сжигаемого богатства. Можно было представить, что Ночные бродяги с радостью бы поступили так и с самим Брюсом, подвернись им подходящий случай.

– Что ж, Брюс, – сказал Люциус, когда репортаж начался сначала. Мужчина откинулся в кресле и рассеянно провел рукой по своим коротко подстриженным темным кудрям. Комнатное освещение придавало его смуглой коже голубоватый оттенок. – Полагаю, наши летние планы придется изменить.

Брюс повернулся лицом к наставнику. Для нового главы отдела исследований и разработок «УэйнТех» Люциус Фокс был необычайно молод. Люциус был скор на улыбку, его сияющие глаза внимательно изучали окружающих, походка была энергичной и подсказывала, что Люциус постоянно стремится изменить этот мир.

– Я по-прежнему могу приходить в лабораторию в свободное время, – предположил Брюс, одарив собеседника полным надежды взглядом. – Главное, убедиться, что за рулем будет кто-то другой.

Фокс рассмеялся.

– Мы составим тебе новое расписание. – Мужчина указал на лежащий между ними планшет. – Этот мир гораздо опаснее, чем ты полагаешь, Брюс. Постарайся быть осторожнее, хорошо?

Уэйн изучил планшет. В настоящий момент устройство было подключено к его банковским счетам. Получить к ним доступ можно было только с помощью отпечатка его пальца и секретного кода – демонстрация новых мер безопасности, разработанных Люциусом и «УйэнТех».

Люциус пояснил, что при любой подозрительной попытке подключения – например, если будет введен неверный код – система среагирует моментально и в считанные секунды удаленно отключит пытающийся авторизироваться компьютер.

Брюс кивнул.

– Благодарю, – произнес он, – я с нетерпением жду возможности увидеть все, на что способна твоя команда.

Люциус приподнял одну бровь.

– Наши дроны пока еще не готовы патрулировать улицы Готэма, хотя нам уже удалось предложить наше улучшенное защитное снаряжение Метрополису. Они собираются сделать большой заказ.

Проект превентивных оборонных механизмов. В этом интересы Люциуса и Брюса совпадали – технологии шифрования, которые обезопасят банки Готэма так же надежно, как они защищали счета самого Уэйна, дроны, которые будут патрулировать улицы города. Любые технологии, призванные защищать людей.

– Отлично. Этому городу не помешает дополнительная защита, – шепотом произнес он, – и наш проект этому поспособствует... Я в этом не сомневаюсь.

Краешком глаза Брюс заметил, что в репортаже снова замелькали кадры стоящего с поднятыми руками Ночного бродяги. Он покончил жизнь самоубийством в тюрьме – перерезал себе вены тайком пронесенным лезвием за день до того, как детективы пришли к нему на допрос. Полиция до сих пор не могла понять, что делали Бродяги внутри того здания, а теперь, со смертью единственного подозреваемого, следователи лишились своей важнейшей зацепки.

Брюс внимательно изучил изображение преступника на экране, пытаясь осознать тот факт, что этот человек, которого он видел живым всего две недели назад, уже мертв. От этой

мысли желудок скрутило в узел. Должно быть, этот парень был невообразимо предан своему боссу, кем бы тот ни был. Или до смерти его боялся.

Люциус указал на экран телевизора:

– Пока по улицам разъезжают Ночные бродяги, есть вероятность, что это случится раньше, а не позже.

Воцарилась тишина, на обоих неожиданно накатили воспоминания о погибших родителях Брюса. Наконец, Люциус поднялся на ноги, подошел к юноше и положил ладонь ему на плечо.

– Крепись, Брюс, – мягко сказал он.

Брюс помнил этот взгляд со времени своего первого посещения «УйэнТех» вместе с отцом. В тот раз Люциус, тогда еще многообещающий стажер, рассказывал Томасу Уэйну о тех проектах, над которыми он трудился. Брюс улыбнулся наставнику.

– Прости за все эти неприятности, Люциус.

Мужчина снова похлопал его по плечу.

– Когда-нибудь я расскажу тебе обо всех неприятностях, в которые я вляпался в твоём возрасте.

На этом он попрощался и вышел из комнаты.

Телефон Брюса тренькнул. Юноша взглянул на экран и увидел новое сообщение в общем чате с Харви и Дайан.

Харви: *Эй, ну что, каков официальный приговор?*

Брюс: *А каким он мог быть? Виновен, конечно же.*

Харви: *Сожалею, дружище. К чему тебя приговорили?*

Брюс: *Домашний арест на пять недель и общественные работы.*

Харви: *Нееееет.*

Дайан: *Это же половина лета! А скоро итоговые экзамены и выпускной! Они не сказали, где тебе придется отрабатывать?*

Брюс: *Еще нет.*

Харви ничего не ответил, но Дайан прислала серию печальных смайликов. *«Давайте встретимся, – предложила она, – и отпразднуем, что ты смог пережить эту заварушку, не сломав себе шею. Мы уже изрядно запоздали с твоим праздничным ужинам».* Пауза. *«С тобой же все будет хорошо, правда?»*

Брюс улыбнулся.

«Спасибо», – ответил он.

Только он начал обдумывать, сколько еще ему придется оставаться в этой комнате, как вошли два офицера полиции. Один из них жестом пригласил Брюса проследовать за ними.

– Вы свободны, – произнес полицейский, – мы отвезем вас домой. Там вас встретит ваш опекун вместе с детективом Драккон.

– Детективом Драккон? – Уточнил Брюс на ходу.

– Она обсуждает ваш приговор с мистером Пенниуртом. – Полицейский был явно не заинтересован в продолжении разговора, оставив Уэйна гадать, кто такая детектив Драккон.

Полчаса спустя они остановились перед изящными позолоченными воротами усадьбы Уэйнов. Главный вход в поместье окружали четыре колонны, к тяжелым двухстворчатым дверям вела каменная лестница. Слева и справа на стенах усадьбы вздымались трехэтажные башенки. По обеим сторонам вымощенной камнем дорожки, ведущей от ворот к лестнице, возвышались железные фонари. Поскольку была еще середина дня, лампы не горели.

Рядом с воротами Брюс заметил голубую машину, на борту которой жирными белыми буквами была выведена надпись «Департамент полиции Готэма». Возле водительской дверцы стоял Альфред, рядом с ним расположилась женщина в легкой шелковой рубашке, контрасти-

рующей с ее темной кожей, и пальто песочного цвета, аккуратно накинутаго на плечи. Заметив подъезжающую машину, спутница Альфреда выпрямилась и уставилась на Брюса.

– Вы заставили меня ждать, – сообщила она сидящему за рулем полицейскому.

– Простите, детектив, – ответил водитель, – попали в пробку.

– Брюс, – произнес Альфред, наклоняясь к окошку машины, – это детектив Драккон.

Женщина протянула руку через открытое со стороны пассажира окно. На темных пальцах детектива Драккон красовались простые серебряные кольца, а тщательно ухоженные ногти сверкали коричневым лаком.

– Приятно познакомиться, Брюс Уэйн, – сказала она, – рада, что не ты сидишь за рулем.

Затем детектив Драккон отвернулась в сторону.

Окна в поместье Уэйнов были открыты, пуская внутрь пятнистый солнечный свет и легкий ветерок. Брюс прошел через центральный вход и оказался в большом зале с высоким потолком. Украшенная кованными железными перилами лестница вела на балкон, выходящий в гостиную и столовую. Сейчас усадьба казалась запущенной – вся мебель была укрыта белыми чехлами, защищающими ее от повреждений, пока рабочие заканчивали переделывать стены. Часть лестницы была огорожена, поскольку несколько расшатавшихся участков перил нуждались в замене. Альфред был занят, указывая двум доставщикам продуктов путь из гаража на кухню.

Все это напоминало обычную послеполуденную суету, разве что сейчас Брюс сидел напротив суровой женщины-детектива, пристально изучавшей его поверх своих очков в красной оправе. Все в ее облике было идеальным. Ни одной складки на одежде. Черные волосы ровными косичками собраны в толстый шар на затылке. Ни одной прядки не выбивалось из прически.

Брюс пытался понять, к какой категории отнести детектива Драккон. В жизни юноша встречал не много людей, которые пытались подлизаться к нему в надежде что-нибудь получить или из зависти унижить его. Детектив не относилась ни к одной из этих категорий. Она не завидовала ему, ничего от него не хотела и явно не имела никаких скрытых мотивов. Драккон даже не пыталась скрыть, как сильно он ей не нравится. Уэйн задумался, какие дела ей пришлось раскрывать за время своей карьеры.

Заметив огонек интереса в его глазах, детектив поджала губы.

– Полицейский в участке сказал мне, что до сих пор помнит тебя маленьким мальчиком. Он определенно не ожидал от тебя такого рекламного трюка.

– Это не было рекламным трюком, – возразил Брюс, – мне и так хватает внимания.

– Да? – ровным, спокойным голосом спросила Драккон. – Неужели? В таком случае тебе плохо удастся избегать его. К счастью, у тебя под рукой есть армия адвокатов, готовая помочь легко соскочить с крючка.

– Ниоткуда я не соскакивал, – запротестовал Уэйн.

Альфред, который как раз ставил на кофейный столик тарелку с сыром и чайник, кинул на подопечного предупреждающий взгляд.

Детектив Драккон наклонилась, взяла свою чашку с чаем, положила ногу на ногу и обратилась к Брюсу:

– Ты когда-нибудь занимался грязной работой, Брюс?

– Я помогал родителям в саду, помогал отцу в гараже, – ответил юноша, – я помогал им в столовых для бездомных.

– Другими словами, не занимался.

Брюс открыл было рот, чтобы возразить, но передумал. Он и правда не занимался грязной работой. Альфред держал при поместье штат из десяти работников, которым хорошо платили за то, чтобы они содержали усадьбу в полном порядке и не попадались на глаза юному хозяину. Грязная посуда испарялась из кухни, свежие полотенца сами собой возникали в ван-

ных комнатах. До Брюса время от времени доносились шорохи метелки из коридора да щелчки секатора из открытого окна – на этом все. Со стыдом юноша осознал, что не знает никого из работников, обслуживающих поместье Уэйна.

– Ну, теперь тебе придется запачкать руки, – продолжила детектив, – под моим надзором тебе предстоит заняться общественными работами, Брюс. Ты понимаешь, что это значит?

Их взгляды встретились. Брюс приложил все усилия, чтобы на его лице не дрогнул ни единый мускул.

– Что же?

– Что я позабочусь о том, чтобы у тебя напрочь отпало желание когда-либо впредь нарушать закон, – ответила Драккон и сделала изящный глоток.

– Куда вы меня направите? – поинтересовался он.

Женщина вернула чашку на блюдечко.

– В «Лечебницу Аркхэм», – произнесла она.

Глава четвертая

– Лечебница «Аркхэм», – задумчиво произнес Харви. Вечером они с Дайан заехали к Брюсу и расположились за кухонным столом, – а разве это не тюрьма для умственно больных преступников? Я даже и не думал, что в таком месте разрешено проводить общественные работы.

Брюс приступил к еде. Он заказал бургеры и молочные коктейли, чтобы им не нужно было ехать в закусочную, но ни у кого из троицы не было аппетита.

– Я слышала, что внутри лечебницы настоящий кошмар, – нахмурившись, добавила Дайан, – неужели Драккон действительно считает, что отправить тебя туда будет хорошей идеей? Как ты собираешься готовиться там к итоговым экзаменам?

– Ты готовишься к экзаменам? – Брюс одарил подругу кривой усмешкой. – Да ты самая преданная выпускница из всех, кого я знаю.

– Брюс, я же серьезно! В «Аркхэме» опасно! Разве не так? Моя мама говорит, что там содержатся преступники, совершившие самые гнусные злодеяния в истории города. Там постоянно случаются драки, оттуда постоянно кто-то сбегает.

Харви хмыкнул. Плавными перетекающими движениями он перебирал между костяшками пальцев монету в четверть доллара. Крутанув запястьем, он пустил четвертак вращаться по поверхности стола.

– Ничем не отличается от мира снаружи, – пробормотал он, а затем, когда монетка отказалась слишком быстро останавливаться, накрыл ее рукой. Орел.

Брюс понимающе взглянул на друга. Разумеется, Харви был здесь для моральной поддержки, но в то же время он отирался в усадьбе Уэйнов, потому что скрывался от своего отца, который в очередной раз пришел домой в стельку пьяным. Когда Харви попытался повесить на вешалку отцовское пальто, брошенное тем на пол, старший Дент набросился на сына, яростно крича, что и сам вполне может о себе позаботиться. Всегда была какая-то мелочь, которая выводила старшего Дента из себя. Синяк на челюсти Харви уже побагровел.

– Ты же останешься на ночь, правда? – спросил Брюс, когда Харви снова начал крутить монетку между пальцами.

Харви нервно взъерошил светлые волосы и уставился в пол.

– Если Альфред не будет возражать, – произнес он, – простите, я продолжаю...

– Не за что извиняться. Оставайся столько, сколько хочешь. – Брюс указал в сторону лестницы, ведущей в гостиную. – Гостевая комната в восточном крыле ждет тебя. Просто старайся избегать шатающихся перил, когда будешь подниматься наверх. Там уже все подготовлено для тебя, даже смена одежды.

– Я в состоянии сам позаботиться о своей одежде, – резко ответил Харви, закатав рукава поношенного худи.

Брюс прочистил горло.

– Я хотел сказать, что тебе не нужно брать что-либо из дома. Все уже здесь. Если тебе что-то понадобится, просто попроси Альфреда.

– Спасибо. Я переночую у тебя и все. Отец будет ждать меня завтра утром. К этому времени он уже протрезвеет.

Дайан переглянулась с Брюсом, затем коснулась руки Харви.

– Нет никаких правил, обязывающих тебя быть дома завтра к утру, – мягко сказала она.

– Он мой отец. К тому же, если я не появлюсь, мне же будет хуже.

Брюс сжал кулак. Он уже устал считать, сколько раз заявлял на отца Харви в полицию, но всякий раз, когда социальные работники показывались у него дома, старший Дент вел себя спокойно и собранно.

– Харви, – снова попытался он, – если ты обратишься в полицию, тебе не придется возвращаться домой. Ты можешь просто...

– Я не буду этого делать, Брюс, – перебил его Харви, с такой силой закрутив монетку, что она упала с краешка стола и звякнула, опустившись на пол.

Уэйн глубоко вздохнул.

– Что ж... ты можешь остаться дольше, хорошо? Если захочешь.

– Я подумаю об этом, – ответил друг. Но Харви уже начал уклоняться от ответов, и Брюс знал, что если продолжить настаивать, будет только хуже. С другой стороны стола Дайан бросала на Уэйна многозначительные взгляды, словно бы намекая оставить младшего Дента в покое. Внезапно необходимость выполнять общественные работы внутри «Аркхэма» показалась Брюсу легкой, даже банальной задачей по сравнению с тем, что приходилось испытывать Харви каждый раз, когда тот возвращался домой.

Дент наклонился за монеткой, поднял ее и снова принялся крутить.

– Так что ж, – произнес он, меняя тему, – эта детективша сказала, почему она отправляет тебя именно туда?

– А ей не нужно было ничего говорить, – ответил Брюс, – я думаю, она подобрала для меня наиболее подходящее место, чтобы навсегда преподать урок.

– И в чем же заключается урок?

– Должно быть, никогда не помогай полиции, – предположил Уэйн.

Харви вздохнул.

– Не связывайся с полицией. Спасать мир – это не твоя задача, Брюс.

– Знаю, знаю, – Брюс скорчил гримасу, затем подобрал четвертак Харви и принялся его рассматривать. – Мне просто тяжело с этим смириться. Я действительно планировал провести большую часть нашего последнего совместного лета рядом с вами.

Дайан разок ткнула Брюса локтем.

– Ну, ты же вроде собирался летом поработать с Люциусом в «УэйнТех» над проектами по системам безопасности, разве не так? Может, внутренности «Аркхэма» натолкнут тебя на пару-другую идей?

«Пару-другую идей». Брюс обдумывал эти слова. А она права. Уэйн был одержим криминальными делами с юных лет, но чтение детективных романов и прослушивание ночных полицейских частот не шли ни в какое сравнение с возможностью своими глазами повидать внутренности тюрьмы. Может быть, за время, проведенное в «Аркхэме», он может провести собственное расследование на тему того, как работает система правосудия, вплотную понаблюдать за поведением заключенных и за системами безопасности лечебницы. Так воспринимать свой приговор было значительно проще.

– Я постараюсь достучаться до хорошей стороны Драккон, – пообещал он, – может быть, все будет не так уж и плохо.

– По крайней мере, ты сможешь сказать, что пересекался с самыми опасными преступниками города, – произнесла Дайан, откусывая от бургера, – сам подумай, когда еще у тебя будет такая возможность?

* * *

Еще в девятом классе Брюс посмотрел документальный фильм о «Лечебнице Элизабет Аркхэм». Это был часовой рассказ о тюремной системе во всей стране, и расположенная на окраинах Готэм-Сити лечебница, полностью финансируемая городскими властями, была выделена как крайне противоречивое исправительное учреждение. Критики доказывали, что если «Аркхэм» на самом деле используется как тюрьма, то и называться должна соответственно. Если же это госпиталь, то заведение должно быть перестроено в настоящий госпиталь, боль-

ницу для душевнобольных или реабилитационный центр. Психбольницы были реликтом куда более темных времен и должны были остаться в прошлом. Брюс видел как минимум несколько петиций, появившихся в недавнее время и призывавших переименовать «Аркхэм» и модернизировать лечебницу согласно современным требованиям.

Но пока Альфред вез Брюса по мрачной, извилистой дороге через лес и затем сквозь холмы с пожелтевшей травой и голыми камнями, юному Уэйну стало казаться, что «Аркхэм» вовсе не похож на место, которое может измениться. Которое вообще когда-либо менялось. По обеим сторонам длинной дороги, ведущей к воротам лечебницы, выстроились скелетообразные деревья, которые даже сейчас, в начале лета, стояли абсолютно голыми. Постаревшие от времени дорожные знаки запрещали брать попутчиков. В отдалении высилась старая башня, тоже относящаяся к лечебнице. В былые времена с башенной верхушки светили прожектора, призванные найти любого беглеца, которому посчастливилось или, наоборот, не повезло ускользнуть за стены «Аркхэма».

«*Прекрасный способ провести субботу*», – мрачно отметил Брюс. Юноша задумался, как выглядели окрестности, когда лечебницу только открыли. Почему-то он не мог представить здесь цветущие деревья или зеленые лужайки. Может, это место умирало с самого начала.

«Аркхэм» возвышалась на вершине холма. Внешние ворота лечебницы, высокие, угрожающие и мрачно готические, выглядели реликтом давно ушедшей эпохи. На остроконечных пиках красовалась проржавевшая железная надпись «Лечебница Аркхэм». С обеих сторон ворот на гостей скалились статуи. Их костлявые тела прятались под вырезанными капюшонами; брови нахмурены, щеки впали. Одна из статуй замерла с весами в руке. Брюс не знал, должны ли были статуи символизировать правосудие или смерть. Возможно, в стенах лечебницы между этими двумя понятиями не существовало никакой разницы.

Увенчанная шпилями лечебница «Аркхэм» представляла собой необъятное каменное здание в форме гигантской буквы U. На некоторых этажах в принципе отсутствовали окна. Главное здание с остроконечной крышей возвышалось по центру. Четыре смотровые башни приглядывали за территорией, множество башенок высилось по периметру, рядом со внешними и внутренними воротами. Даже сидя в машине, юный Уэйн мог разглядеть на башнях караул. В руках стражники держали винтовки, узкие дула резко выделялись на фоне серого неба.

Когда машина выехала на бетонную стоянку, Брюс разглядел Драккон. Такая же ухоженная, как и всегда, черные волосы уложены в знакомый узел. Детектив ждала их возле огромных входных дверей в компании двух охранников и низенькой круглой женщины в простой черной блузке.

Брюс глубоко вздохнул. Ему не стоило так нервничать, но когда он взглянул на свои руки, лежащие на коленях, то понял, что они дрожат. Юноша крепче сжал ладони. Оказавшись на территории лечебницы, он еще раз осознал, насколько неприступным должно быть это место. Прямо сейчас он чувствовал себя узником, приговоренным к заключению в стенах «Аркхэма». Крайне неприятное ощущение. Уэйн даже не представлял себе, как отсюда вообще можно было сбежать.

«*Ты здесь ненадолго. Пять недель пролетят мигом*», – убеждал он себя.

– Удачи, мастер Уэйн, – пожелал Альфред, когда машина остановилась напротив лестницы, ведущей к главному входу в лечебницу.

Брюс отвлекся от окон и посмотрел в зеркало заднего обзора, чтобы встретиться со знакомыми глазами Альфреда. Вздохнув, Брюс кивнул опекуну, открыл дверцу машины и вышел навстречу поджидавшим его людям.

Когда он приблизился, женщина в черной блузке, стоявшая прежде со скрещенными на груди руками, протянула ему ладонь. Она была ниже Брюса, но юноша все равно поморщился от силы ее рукопожатия. У нее была кожа светло-коричневого цвета, а глаза казались жест-

кими, словно мрамор. Уэйн заметил, что стоящие по обе стороны от женщины охранники носили бронежилеты, на которых жирными белыми буквами было выведено «ОХРАНА».

– А вы рано, – хмыкнула женщина. Заглянув Уэйну через плечо, она внимательно посмотрела на машину Альфреда, как раз разворачивающуюся в сторону выхода. – Рада, что вы наняли няню, которая умеет следить за временем.

– Его зовут Альфред, – сказал Брюс, – и он мой опекун.

Женщина улыбнулась.

– Ну конечно. Я совершенно уверена, что он не воспринимает вас как ребенка, с которым ему приходится нянчиться.

– Брюс, это доктор Зои Джеймс, – со вздохом произнесла Драккон, поправляя очки. – Она старший надзиратель лечебницы «Аркхэм». Ты будешь подчиняться непосредственно ей.

– Детектив считает, что со мной сложно поладить, – доктор Джеймс подмигнула, – но мы постараемся сделать твой визит к нам максимально веселым, не так ли, Уэйн?

– С вами сложно поладить, – ответила Драккон, закатив глаза. – Не заставляйте меня пожалеть об этом, Джеймс.

– Я всегда была лапочкой, – произнесла Джеймс, и прежде чем детектив нашлась с ответом, смотрительница просвистела веселую мелодию и жестом пригласила проследовать за ней. Обернувшись, она сообщила Брюсу: – Ты должен будешь отмечаться в регистратуре всякий раз, как ты появишься, а затем заверять это моей подписью, иначе тебе не зачтут этот день. Так что веди себя хорошо, иначе я могу превратить твоё пребывание здесь в кошмар.

Они остановились перед главным входом. Только сейчас Брюс заметил, что двери были отлиты из массивного листа металла и контрастировали с обликом здания в стиле готической архитектуры. Джеймс положила руку на сканер, расположенный сбоку от входа, затем набрала на клавиатуре длинный код. С громким лязгом двери разошлись в стороны, пропуская посетителей в тускло освещенное фойе.

Брюс последовал за доктором Джеймс и Драккон к маленькой стойке, защищенной толстым стеклом. Двери за их спинами громко захлопнулись, заперев вошедших в лечебнице.

Сидящий за стеклом мрачный санитар громко чавкал жвачкой. При виде Брюса он на миг прекратил жевать. Уголок рта изогнулся.

– Это же пацан, – произнес он, прищурившись и протягивая Брюсу анкету сквозь узкую щель в стекле. Санитар кивнул Джеймс. – Выглядит не таким уж и богатым, как его рисуют по телику.

Брюс не поднимал взгляда, надеясь, что санитар не заметит, как щеки юноши слегка покраснели. Заполнив анкету как можно поспешнее, Уэйн вернул ее мужчине. Драккон и Джеймс пригласили его проследовать за ними. Процессия миновала вращающиеся двери, по обе стороны которых стояли вооруженные охранники.

Все трое оказались внутри лечебницы.

Первым делом Брюса поразило, насколько холодное тут освещение. Люминесцентные огни придавали выложенным плиткой полам и пестрым стенам тошнотно-зеленый оттенок. У юноши сразу сложилось впечатление, что стены окружают его со всех сторон, приближаются все ближе и в конечном итоге раздавят словно букашку. Из соседнего зала доносились гневные выкрики и дикие вопли, которые могли оказаться как смехом, так и рыданием.

– Лечебница находится под контролем администрации мэра Прайса, – говорила Джеймс на ходу, – тот факт, что они так пристально присматривают за этим местом, я имею в виду нашу охрану, техников, рабочих и оборудование, должен тебе сказать все, что нужно знать о том, насколько опасными город считает содержащихся здесь преступников.

Мимо них, не удостоив процессию даже взглядом, проследовала парочка охранников, почти волочащих по полу заключенного с извилистым шрамом на пол-лица. Зато арестант их заметил.

– Так-так-так, – произнес он, изогнув шею и оскалившись на Брюса, – а что это такой утонченный мешок с мясом делает в подобном месте?

И прежде чем кто-либо успел его остановить, узник метнулся к Брюсу.

Юноша инстинктивно принял боевую стойку, но Джеймс уже была рядом. Она перехватила руку заключенного, заломила ему за спину и с силой впечатала в ближайшую стену. Щека узника стала ярко-розовой.

– Хорошие рефлексы, – удивленно прокомментировала Драккон, покосившись на Брюса. Сердце юноши бешено стучало в груди.

– Полагаю, тренажерный зал хоть на что-то, да годится, – удалось ему ответить.

– Еще одна подобная выходка, – предупредила заключенного Джеймс, – и я добавлю несколько лет к твоему сроку. Я знаю, как ты наслаждаешься своим временем здесь. – Она криво усмехнулась, и узник оскалился в ответ. Затем мужчина уставился на Брюса, и когда их взгляды пересеклись, он мрачно улыбнулся.

– У тебя слишком нежная и чистенькая кожа для такого места, милашка, – выплюнул он, – если тебе понадобятся несколько шрамов, найди меня.

Брюс отвернулся. Сердце по-прежнему бешено колотилось. Охранники потащили заключенного дальше. Брюс постарался представить узника ребенком, таким же, как он сам в детстве. Представить, как маленький мальчик сидит на лужайке перед домом и вместе со своим отцом наблюдает за тем, как летучие мыши улетают на охоту. Наверное, у некоторых людей вообще не было детства.

Джеймс наблюдала за ним, скрестив руки на груди.

– О чем задумался, Уэйн?

– Я размышляю о том, в какой момент человек превращается из ребенка в убийцу.

– А, так ты у нас интересуешься криминальной психологией? – ответила Джеймс. – Ну, тогда ты оказался в нужном месте. От наших заключенных у тебя душа уйдет в пятки. Не забыл еще человека, которого только что видел? Он убил четырех людей в кафе.

Брюса обдало холодом.

– Да, он казался вполне приятным собеседником, – пробормотал он.

– Доктор Джеймс работает старшим надзирателем уже больше десяти лет, – добавила Драккон, – как видишь, для того, чтобы управлять подобным местом, требуется немалая выдержка.

Они покинули маленький коридор и неожиданно оказались в огромном помещении со сводчатым потолком, откуда открывался вид на множество этажей, усеянных тюремными камерами. Брюс замер на месте при виде необъятного пространства «Архэма». Это были ворота в преисподнюю.

– В чем дело? – сухо спросила Драккон. – Начал, наконец, жалеть о своей увеселительной поездочке?

– Это женское восточное крыло, – произнесла Джеймс, когда процессия повернула направо. – Мужчины содержатся в западном крыле. Медицинские кабинеты в центре здания соединяют оба крыла.

«Это объясняет форму лечебницы», – подумал Брюс.

– Под нашими ногами находится еще один, дополнительный этаж, где содержатся заключенные, подвергающиеся интенсивной терапии. Ты будешь подметать и мыть полы в женском крыле и чистить туалеты, которыми пользуются охранники. Завтра ты почищишь подвал. Мы постараемся подстроиться под твои оставшиеся занятия в школе, но с началом лета я буду ждать тебя здесь каждое утро. У наших уборщиков нет проблем с поддержанием лечебницы в чистоте, так что я думаю, что у миллиардера легко получится добиться подобного результата. Предлагаю тебе схватывать все на лету.

Брюс заглянул в одну из камер. Ее обитательница, женщина в оранжевой робе, стояла, прислонившись к решетке. Заметив его взгляд, заключенная оскалилась.

– Эй, дамочки, – закричала она, когда процессия прошла мимо, – кажется, они усовершенствовали наших охранников.

Остальные узницы охотно откликнулись на этот призыв и принялись выкрикивать Брюсу непристойные предложения. Юноша стиснул зубы и упорно смотрел перед собой. Он видел, как парни ухлестывали за Дайан, несколько раз даже ввязывался в драки с особо ретивыми из них. Но сейчас он впервые испытывал что-то подобное на себе. «Почему ты не улыбаешься, Брюс?» Внимание заключенных напомнило ему о том, как вокруг него словно мухи кружат папарацци, как они без усталости набрасываются на него и наказывают всякий раз, когда Уйэну не удастся ответить подобающим образом. Краешком глаза он заметил выражение лица Драккон. Даже несмотря на желание надлежаще наказать юношу, сейчас она явно прониклась к нему сочувствием.

Наконец, настал миг спасения – они добрались до конца восточного крыла. Джеймс повела их дальше по холодным, зеленым коридорам мимо медицинских кабинетов, возле которых рабочие чинили двери.

На лифте все трое спустились в подвальный уровень. Здесь было темно, сыро и пахло затхлостью. Над входом висел знак: «Отделение интенсивной терапии лечебницы Аркхэм».

– Здесь остаются худшие из худших, Уэйн, – оглянувшись назад, произнесла Джеймс, – на твоём месте, я бы поспешила выполнить здесь всю работу как можно быстрее.

Двое работников занимались перепрограммированием кода доступа в отделение. Брюс обратил внимание, что видеокамеры под потолком развешены чаще обычного. Двери камер на этом уровне были отлиты из металла – уменьшенные версии входных дверей в лечебницу – и явно укреплены гораздо надежнее, чем на верхних уровнях. На каждой двери было маленькое окошко, должно быть, из пуленепробиваемого стекла. Через некоторые из них можно было разглядеть заключенных, сидящих в темных комнатах. Их одежда отличалась от оранжевых роб остальных узников. Обитатели подвального уровня носили белое, которое словно свидетельствовало об их принадлежности к особому виду особо опасных преступников.

– Что-то здесь больше постояльцев, чем обычно, – заметила Драккон.

Джеймс пожала плечами.

– Больше преступлений, чем обычно, – ответила она, – вчера к нам перевели троих Ночных бродяг из Готэмской тюрьмы.

Драккон разочарованно встряхнула головой.

– Все еще не можете выяснить, какого черта им было нужно той ночью, да? – спросила Джеймс.

– Боюсь, что так и есть.

– Ночные бродяги? – переспросил Брюс, радуясь, что может думать о чем-то другом кроме своего пребывания здесь. – И много их у вас здесь?

– О, не волнуйся об этом, Уэйн, – сурово ответила детектив, – радуйся, что это не твое дело.

Из дальней камеры в конце коридора доносилось сразу несколько голосов. Когда процессия приблизилась к ней, Джеймс указала на дверь.

– Здесь содержится один из новоприбывших, о которых я говорила, – пояснила она, – самый необычный Ночной бродяга из тех, что у нас есть.

Через узкое окошко камеры Брюс мельком разглядел разворачивающуюся внутри сцену. Три человека – один из них одет как детектив, двое других в полицейской форме, – сгрудившись вокруг заключенного, вели допрос. Разочарованные голоса принадлежали именно полицейским.

– Думаешь, это смешно? – услышал Брюс голос одного из офицеров. – Перерезать глотку старому человеку и смотреть, как он истекает кровью? Как вы подключились к его счетам? Зачем вашей банде все эти миллионы? Молчишь, да? Лучше бы тебе убрать эту усмешку со своего личика.

– Пока мы сами это не сделаем, – добавил второй полицейский.

– Кто еще был там с тобой? – прорычал первый. Судя по тону, он уже не в первый раз задавал этот вопрос.

Брюс попытался было разглядеть заключенного, но процессия уже миновала камеру, и шанс был потерян. Возгласы становились все неразборчивее и вскоре растаяли позади.

Джеймс покачала головой.

– Она все еще молчит.

– О переводе этой я распорядилась лично, – произнесла Драккон, прохладно взглянув на Брюса. – Не волнуйся. Они всегда раскалываются.

Когда они покидали зал, сзади продолжали доноситься гневные вопросы. Брюс не мог отделаться от мысли найти ответ, что же полиции так не терпелось выбить из заключенной. Он часто будет бывать здесь, так что, возможно, еще неоднократно увидит повтор сцены допроса. Вдруг именно в один из его следующих визитов полицейским удастся разговорить узницу.

И может, Брюсу удастся разглядеть заключенную. Понять, кто она такая.

Глава пятая

– В чем дело, красавчик? Никогда прежде не марал свои холеные ручки?

Аркхэм, день первый. Заключенные скалились на Брюса из-за тюремных решеток, пока он работал. Их взгляды были прикованы к нему, а издевки эхом разносились по коридорам. К голосам примешивались звуки, с которыми узницы колотили по решеткам ботинками и зубными щетками.

Сегодня его внешний вид разительно отличался от наряда на день рождения. Тогда он появился на публике в сшитом на заказ костюме, а рядом с ним красовался его личный «астон-мартин». Сегодня Брюс был одет в синий рабочий комбинезон, а руки скрывала пара желтых перчаток.

«*Не обращай на них внимания. Сконцентрируйся на работе*», напоминал себе Брюс, равномерно продвигаясь по коридору. Они хотели вывести его из себя, хотели увидеть, как он сорвется.

– Девчонки, сегодня за нами прибирается миллиардер!

Еще один свист.

– Похоже, деньги утратили свою покупательную силу!

– А он милашка, не находите?

– Я готова попасть в тюрьму за такое. Ну давай же, Брюс Уэйн. Улыбнись нам.

– Знаешь, что... мы перестанем над тобой издеваться, если ты снимешь свою рубашку и вымоешь ею пол.

Весь коридор содрогнулся от хохота.

И так продолжалось целый день, один зал за другим, пока все помещения не слились у него в голове в единый источник звука. Брюс не поднимал головы. Джеймс проверяла его трижды. И хотя она ни разу не удостоила юношу чем-то большим, чем пренебрежительный взгляд и усмешка, Уэйн обнаружил, что с нетерпением ждет ее следующего визита. В ее присутствии заключенные затихали и молчали еще несколько минут после ее ухода, давая Брюсу небольшую передышку.

Наконец, в конце дня, Джеймс снова пришла.

– Убирайся отсюда, Уэйн, – она жестом поманила его за собой. – Ты так устал, что просто размазываешь грязь по полу.

Это была не жалость, но что-то крайне к ней близкое. Он едва помнил, как отметился на выходе. Он вообще не помнил, как садился в машину. Все, что он запомнил, так это то, что с благодарностью утонул в прохладе кожаного сиденья и проснулся на следующее утро в своей постели.

* * *

– Ну как обстоят дела? – спросила его Дайан на следующий день, пока они вместе шли на урок английского.

Брюс пытался игнорировать шепотки и взгляды проходивших мимо одноклассников. Он слышал, как они называют его имя и обсуждают, почему он разбил свою машину. «*Напился. Свихнулся. Проблемы с темпераментом*». Просачивающийся сквозь окна академии свет растягивал тени в длинные полосы, словно окружая здание решеткой. Брюс вздохнул, пытаясь смотреть прямо перед собой. Вчерашний день показался ему вечностью. И ему придется возвращаться в настоящую тюрьму снова и снова на протяжении нескольких недель.

– Могло быть и хуже, – ответил он, а затем, когда они нашли нужную аудиторию и уселись за парты, погрузился в детали.

Дайан сочувственно покачала головой.

– Ауч. Звучит ужасно. И так еще целых пять недель?

– Все не так уж и плохо. Просто много свиста. – Брюс напечатал несколько особенно запомнившихся издевок на экране смартфона, чтобы ему не пришлось произносить это вслух.

Подруга скорчила гримасу.

– Да, да. Что ж, я знаю, каково это. Совсем не весело, Брюс.

– Прости, Ди. Не переживай так насчет меня. Не успею я опомниться, а все уже закончится.

Дайан ободряюще похлопала юношу по руке.

– Ты выживешь, – пообещала девушка, – мы все свалим отсюда через несколько недель, и... – Зазвенел звонок на урок, Дайан прервалась и закончила уже гораздо тише: – И не успеешь опомниться, твой срок в «Аркхэме» тоже подойдет к концу.

Ее слова немного утешили Брюса. Юноша глубоко вздохнул и попытался поверить в них.

– Не успею я опомниться, – эхом повторил он.

* * *

После вчерашних издевок отделение интенсивной терапии лечебницы «Аркхэм», куда Брюс прибыл после школы, на контрасте казалось пугающе тихим.

Тишина ужасала так, что у юноши стояли дыбом волоски на шее. Ему казалось, что он оказался в сцене прямиком из фильма ужасов – призрачный зеленый свет, голые стены, отдавленное эхо его шагов. Если бы привидения существовали, то жили бы и нашептывали в пространство свои речи именно здесь.

Приступив к работе, Брюс прислушивался, пытаясь различить голоса детективов, доносящиеся из последней камеры. Может, сегодня они снова допрашивают заключенную.

Брюс как раз поравнялся с первой камерой, когда изнутри послышался громкий лязг. Брюс мгновенно отшатнулся... и заметил, что сквозь пуленепробиваемое стекло камеры на него уставился узник.

– Так-так-так, – произнес заключенный, – это же новый пацан. Ты выглядишь достаточно сносно, чтобы тебя порезать.

Он практически выплюнул эти слова, и одновременно весь остальной коридор пробудился к жизни, из соседних камер донеслись новые крики. Брюс отвернулся и сфокусировал все свое внимание на поле под ногами.

– В чем дело, пацан? – поинтересовался заключенный. – Что привело тебя в эту дыру, а? Что заставило подчищать наше де...эй, эй! Ты что это делаешь, а? – Он принялся бешено стучать по стеклу, когда Брюс сделал шаг в сторону. – Знаешь, что я сделал, чтобы сюда попасть? Я вырезал. И я был очень хорошим в своем деле.

Он провел жестом по шее и вниз, вдоль второй руки.

Брюс заторопился, пытаясь выкинуть из головы все воспоминания о пугающем голосе мужчины.

Следующая камера была ничем не лучше. В ней содержался огромный человек, кажущийся еще более крупным в своей робе. Каждый видимый сантиметр его смуглой кожи, включая лицо, был покрыт татуировками. Когда Брюс поравнялся с окошком камеры, гигант рассмеялся и не сводил с юноши взгляда, пока Уэйн не скрылся из виду. Затем мужчина со всей силы впечатал свое огромное плечо в стекло. Содрогнулся, казалось, весь этаж.

Третий заключенный был очень высоким и невозможно худым. У него были длинные пальцы и сломанные ногти, на бледной коже синими полосками проступали вены. Этого заклю-

ченного Брюс узнал – его показывали в новостях. Серийный убийца, обвиненный как минимум в двух десятках жестоких убийств. Четвертый узник был лысым и обладал очень толстой шеей. Его глаза были бледными и прозрачными, словно вода. Он мерил камеру шагами из угла в угол, пока его ботинки не упирались в стену.

Это были жестокие убийцы. Находясь на свободе, они терроризировали Готэм и регулярно становились героями сводок новостей. Теперь же Брюса отделял от них всего лишь тонкий слой металла и стекла.

Наконец, он дошел до конца коридора. Поравнявшись с камерой, в которой полицейские несколько дней назад громкими разочарованными голосами допрашивали заключенную, он притормозил. В памяти все еще крутились воспоминания об узниках, которых он только что миновал, об их искривленных усмешках, взглядах и жестоких преступлениях. Если здесь держали таких людей, что нужно было сделать, чтобы привлечь к себе такое пристальное внимание полиции? Кто сидел в последней камере?

Окно было достаточно большим, в половину его роста, чтобы можно было разглядеть большую часть камеры. Подобно остальным, она была почти пустой, внутри были только матрас, унитаз и раковина. Взгляд Брюса приковала к себе одинокая фигура в белом халате с длинными рукавами, сидящая внутри, прислонившись к стенке и вытянув ноги.

Это была женщина. Нет, «женщина» неподходящее слово. Это была девушка.

Она выглядела ровесницей Брюса. Она сидела, вяло откинувшись головой к стене, с отсутствующим, словно кукольным, выражением лица. Ее взгляд уставился в пустоту. У нее были очень, очень темные глаза, длинные, прямые и удивительно черные, настолько черные, что кончики казались синими, волосы и такая бледная кожа, что при скудном больничном освещении создавалось впечатление, что девушка напудрилась мукой. У заключенной был аккуратный рот, изящная изогнутая шея, четкий овал лица с высокими скулами.

Брюс моргнул. И это была та самая заключенная, которую допрашивали готэмские полицейские? Юноша понятия не имел, чего от нее ждать, но девушка совершенно не походила на тот портрет, который нарисовало его воображение. Она выглядела так, словно была его одноклассницей. Слишком юная, чтобы находиться в месте, подобном «Аркхэму». В отличие от всех остальных заключенных, она была спокойна, как смерть, и ничто в ее поведении не намекало на преступное прошлое. В этой обители хаоса и жестокости она сильно выбивалась из общего ряда.

И все же. Было что-то странное в ее взгляде... что-то такое, от чего у Брюса мурашки по спине прошлись.

Девушка опустила веки, а затем распахнула глаза и, не поворачивая головы, перевела взгляд на Брюса.

Юноша опешил и отошел от окна. *«Эти глаза»*. Они были не просто темными, в их глубине что-то скрывалось, что-то продуманное и расчетливое. Глаза были окнами в невероятно развитый мозг, и прямо сейчас эти глаза изучали и анализировали Брюса Уэйна. У Брюса возникло странное ощущение, будто прямо сейчас она впитывает все самые важные детали о нем с такой легкостью, будто может читать его мысли.

Юноша перевел взгляд на руки заключенной и заметил, что она сложила из салфетки изящный цветок... но стоило ей пошевелить запястьями, как цветок превращался в скорпиона. Фигура превращалась из цветка в скорпиона и обратно, снова и снова. Брюс подумал было, что невозможно создать нечто столь утонченное из обычной салфетки. Это напомнило о том, как его мать особым образом складывала письма перед отправкой, как она тщательно проглаживала все сгибы ногтями, чтобы бумага вошла в конверт идеально.

Какое-то время Брюс и девушка смотрели друг на друга. Затем Уэйн отошел в сторону, чтобы укрыться от ее пристального взгляда. Выдохнул. Его мозг лихорадочно размышлял.

Может быть, персонал лечебницы куда-то перевел недавнего обитателя этой камеры и вместо него поместил сюда эту девушку? Это было бы хоть каким-то объяснением. Возвращаясь к работе, Брюс нахмурился. Что она такого сделала, чтобы попасть в отделение интенсивной терапии самой печально известной тюрьмы Готэма? Она выглядела такой... спокойной. Внимательной. Даже невинной.

Он подумал о своей системе деления людей на категории. В какую категорию попадала она?

Он уже не мог задерживаться там еще дольше, поэтому упаковал свои принадлежности и направился к выходу. По пути юноша в последний раз взглянул в окно камеры. Он почти ожидал, что взгляд темных бездонных глаз девушки будет все еще направлен на него, пронизывая его сущность насквозь.

Но она опять смотрела в пустоту. Даже не пошевелилась. Оригами в руках девушки снова приняло форму цветка. Брюс на мгновение задумался об этом, затем покачал головой и направился к выходу. Возможно, она его вообще не замечала, а все остальное было плодом его воображения.

Глава шестая

Когда день подошел к концу, Брюс вышел из дверей «Аркхэма» и с удобством расположился на сиденье автомобиля Альфреда, но его мысли по-прежнему были заняты той странной девушкой.

– Как прошел день? – спросил Альфред.

Брюс сухо покосился на своего опекуна в зеркало заднего обзора.

– Я прекрасно провел время, – ответил юноша, – настоятельно рекомендую.

Альфред нахмурился.

– От кого это вы унаследовали весь свой сарказм, мастер Уэйн?

– Понятия не имею, – Брюс наклонился вперед и положил руку на спинку сиденья наставника, – может, от тебя?

– От меня? Сарказм? – Альфред фыркнул, на губах заиграло подобие улыбки. – Я что, по-вашему, англичанин?

Несмотря на тяжелый день, Брюс не смог удержаться от ответной улыбки. Юноша наблюдал, как мимо проносятся голые ветви деревьев. В мыслях он то и дело продолжал возвращаться к образу той девушки, и когда он позволил себе задуматься об этом слишком надолго, ему показалось, что эти глаза, темнее самой ночи, сверкают в промежутках между деревьями.

Несколько минут спустя машина остановилась у дверей тренировочного зала, где Брюс Уэйн проводил множество своих вечеров. Выйдя из машины, юноша глубоко вздохнул, открыл дверь зала и вошел внутрь. Ему нужна была хорошая, насыщенная тренировка, чтобы прочистить голову и избавиться от мыслей об этой девушке.

Тренажерный зал был эксклюзивным клубом. Тренер, Эдвард Чанг, олимпийский чемпион по боксу и борьбе, работал со своими студентами исключительно на индивидуальной основе. Брюс оглядел просторное помещение, высотой минимум в два этажа. На полу в самых разных сочетаниях были разбросаны голубые маты, а в самом центре находился восьмиугольный ринг, где проходили официальные спарринги между тренером и его подопечными. Здесь были десятки тренажеров, штанги, канаты, груши, защитная экипировка и многочисленные стены для скалолазания. В одном углу даже располагался плавательный бассейн на восемь дорожек.

Брюс быстро спустился в раздевалку, переоделся, обернул кисти рук белой марлей, напудрил их тальком, затем достал из шкафчика тонкие очки.

Оборудование тренировочного зала впечатляло, но по-настоящему дорогой забавой посещение зала делала технология, которой обладали очки. Надев их, Брюс увидел развешанные по всей комнате ярлычки – «Маты», «Ринг» и «Бассейн». На центральной панели был выведен список разных ландшафтов, любой из которых он мог выбрать на время тренировки.

Брюс листал опции, пока не нашел свои любимые настройки, затем нажал на нужную кнопку, и мир вокруг него погрузился в абсолютную темноту.

Затем сверкнула вспышка, мир перезагрузился, и Брюс очутился на краю башни, исчезающей в освещенных закатным солнцем облаках. Перед ним расстиралось море сверкающих небоскребов, соединенных друг с другом кабелями таким образом, чтобы по ним он мог бегать между зданиями. Лестницы спиралями огибали каждую высотку. Над головой раскинулось виртуальное ночное небо. Когда Брюс поглядел вниз, высота показалась такой реальной, что у юноши закружилась голова.

Небоскребы и препятствия идеально совпадали с планировкой самого зала, с фигурами из матов, восьмиугольным рингом и всем прочим. Виртуальные лестницы синхронизировались с настоящими, сконструированными из разложенных по кругу матов. Брюс мог выбрать режим тренировки в этой виртуальности. Если ему хотелось бегать между небоскребами и взмывать

вверх и вниз по лестницам, – кабели и лестницы подсвечивались ярко-белым светом, чтобы он легко мог разглядеть их. Если он выбирал возможность карабкаться по стенам небоскребов – подсвечивались уступы на стенах зданий, идеально совпадающие с расставленными в зале стенами для скалолазания.

Брюс решил побегать по кабелям и лестницам. Они зажглись ярко-белым светом, выделяясь на фоне закатного солнца. Юноша облегченно потянулся, готовый отпустить все воспоминания о мрачных залах «Аркхэма» и насладиться видами с головокружительных небоскребов. Затем он прыгнул.

Брюс приземлился прямо на кабель, проложенный между его небоскребом и ближайшим зданием. Юноша мгновенно побежал вперед, не теряя равновесия – навык, приобретенный за долгие годы тренировок. Добежав до конца кабеля, Уэйн взмыл в воздух и зацепился за нижние ступеньки лестницы, спиралью огибающей небоскреб. В реальной жизни Брюс сейчас повис на металлических прутьях, свисающих с серии сложенных друг на друга голубых матов, а его замотанные руки подняли в воздух белую пыльцу. Одним плавным движением Брюс потянулся (при этом мускулы рук и спины туго напряглись), вскочил на лестницу и побежал дальше. Вверх по лестнице, затем еще один прыжок, еще один кабель. На лбу начали выступать капельки пота. С каждой минутой упражнения Брюс чувствовал себя все спокойнее, он сфокусировался строго на ровном биении своего сердца.

– Брюс!

Юноша остановил симулятор, снял очки и увидел, как тренер Чанг вышел из своего офиса и замахал ученику руками.

Брюс улыбнулся в ответ.

– Тренер.

Мужчина приветливо кивнул. Его волосы были выбриты по бокам таким образом, что только на макушке оставался ирокез, а когда он сложил руки на груди, все мускулы напряглись. Уши тренера были покрыты шрамами, свидетельствуя о борцовском прошлом.

– Неплохая работа.

Брюс собирался уже ответить на похвалу, когда следом за тренером в зал вышел второй человек. Ричард.

Ричард вымучил из себя улыбку.

– Привет, Брюс, – произнес он, сжав и разжав кулаки.

– Ричард сказал мне, что в ночь, когда он обычно тренируется, его не будет в городе, – сообщил тренер, – надеюсь, ты не станешь возражать, если он потренируется здесь сегодня вместе с тобой. Вы можете тренироваться вместе, как раньше.

«Как раньше». Прошло уже несколько лет с тех пор, как Ричард и Брюс в последний раз тренировались вместе, как друзья. «Вот тебе и расслабился после работы», – подумал Брюс.

Ричард кивнул.

– Как в старые времена.

В его голосе послышались нотки преувеличения, даже сарказма.

Тренер, кажется, абсолютно не обратил внимания на повисшее в воздухе напряжение. Мистер Чанг уронил на пол ворох тренировочного оборудования, затем покосился на свой телефон.

– Разогрейтесь немного, расслабьтесь. Начнем с рутинных упражнений через несколько минут.

Мужчина прислонил телефон к уху и вышел из зала, оставив молодых людей наедине.

Юноши подошли к борцовскому рингу, и Ричард начал кружить вокруг Брюса.

– Слышал, ты покинул аукцион рано, – произнес он, – неужели я настолько вывел тебя из себя?

– Мне просто нужно было прочистить голову, – ответил Брюс, не сводя взгляда с оппонента в ожидании подходящего момента для атаки.

Ричард хохотнул, но в его смехе не было и нотки юмора.

– Да брось. Неужели ты думаешь, что я настолько плохо тебя знаю, что не могу распознать ложь?

Уэйн сжал и разжал пальцы. Он помнил, как кружил вокруг Ричарда на этом самом месте, когда они были молоды. Он помнил, как они смеялись и бросали друг другу вызовы. Как иначе все тогда воспринималось.

– Если бы ты сказал это тогда, я бы тебе поверил, – ответил Брюс.

– Мы перестали общаться не по моей вине.

– Тогда почему? – оскалился Уэйн. – Что я такого сделал?

Ричард помрачнел.

– Может, у кого-то голова стала слишком большой для собственного мозга.

Брюс начал закипать от гнева.

– Почему... потому что я перестал позволять тебе обманывать меня и дальше? Потому что ты больше не мог мной пользоваться?

– Не льсти себе.

«Так вот в чем дело», – с сожалением подумал Брюс. Ричард жаждал драки, его просто распирало. Заметив, что противник принимает атакующую позу, Уэйн прищурился, затем заново надел очки. Оба подключились к одному каналу, и ринг вокруг них превратился в вертолетную площадку на крыше небоскреба.

Ричард ринулся в атаку, его забинтованный кулак метил в голову Брюса. Уэйн инстинктивно выставил защиту, удар пришелся ему в плечо, и юноша мгновенно контратаковал. Теперь уже Брюс кружил вокруг противника, отступая назад, дожидаясь новой атаки. «Первым делом оборона».

Еще один рывок – еще один обмен ударами. Брюс всегда был более легок, он всегда уворачивался от атак Ричарда, но сейчас он с удивлением отметил, что противник неожиданно хорошо натренирован. Ну, не только он изменился. Один, второй удар – Ричарду едва удалось заблокировать второй удар Уэйна.

На лице его противника отразилось недоумение. Он рванулся вперед и достаточно сильно толкнул Брюса назад, лишая равновесия. «Нечестный прием». Прежде чем Уэйн восстановил баланс, Ричард со всей силы ударил его в колено. Вспышка боли на мгновение ослепила Брюса, он изо всех сил сжал зубы, чтобы не закричать, но нога все равно подкосилась, и юноша едва не упал. Лишь в последний момент ему удалось сохранить равновесие.

Брюс прищурился. Непослушная прядка темных волос упала ему на лоб. Этому приему Ричард научился не здесь.

Юноши начали обмениваться более быстрыми и частыми ударами. У Ричарда было преимущество в весе и росте, но он был медленнее Брюса, и Уэйн уже заметил, что оппонент начал уставать. Именно этот момент Брюс выбрал для атаки и дважды быстро ударил противника в корпус. Ричард согнулся и охнул.

Уэйн замахнулся снова, но Ричард схватил противника за запястье и одним движением заломил ему руку за спину, используя преимущество в весе, чтобы подтолкнуть Брюса ближе к краю ринга. Брюс пошатнулся, но на этот раз он был готов. Воспользовавшись силой инерции, он развернулся и сильно ударил Ричарда в живот.

Ричард согнулся и выкинул руку вверх, негласный сигнал об остановке. Брюс остановился, тяжело дыша. Во всем теле пульсировала боль. Уэйн опустил кулаки.

И в то же мгновение Ричард атаковал. Его первый удар пришелся Брюсу в подбородок. В глазах Уэйна вспыхнули звездочки.

Когда Брюс пришел в себя, он обнаружил, что лежит на полу ринга, очки сняты, а тренер с озабоченным лицом пытается помочь ему сесть. Когда только учитель успел вернуться?

Чанг нахмурился, приглашая обоих юношей покинуть ринг.

– Прекратите, прекратите вы оба, – он наградил обоих противников многозначительными взглядами. – Вы же раньше так хорошо тренировались вместе. А теперь оставишь вас одних на пару минут, и вы уже пытаетесь убить друг друга.

Брюс поморщился, приложив руку к опухшей челюсти. Тренер вышел, чтобы принести льда. Уэйн уставился на Ричарда.

– Только так ты и можешь победить в эти дни, да? Нечестными приемчиками?

– Бедный, бедный Брюс Уэйн. Никто не оказывает ему честного приема, – ответил Ричард, смерив Брюса холодным взглядом, и отвернулся. По непонятной причине слова жгли Брюса еще сильнее физической боли. – В реальной жизни не существует нечестных приемчиков, ты еще не понял? Есть только жизнь.

Глава седьмая

– Что с тобой приключилось? – спросила Драккон, когда Брюс столкнулся с ней в кафетерии «Аркхэма» на выходных. Ее взгляд привлек фиолетовый синяк, украшавший челюсть юноши.

Брюс не стал отвечать сразу. Он уселся напротив детектива и поставил поднос с едой на стол. По счастью, остаток недели пролетел незаметно. Итоговые экзамены, фотосессии и репетиции выпускного слились воедино и отвлекли юношу от мыслей о его спарринге с Ричардом. Уэйн был даже рад оказаться в субботу в «Аркхэме».

– Синяки всегда выглядят хуже всего, когда уже заживают, – наконец, произнес он, – со мной все будет в порядке.

К облегчению Брюса, Драккон не стала задавать дополнительных вопросов. Вместо этого, она потеряла виски и вернулась к еде.

– Надеюсь, ты по-прежнему влачишь здесь жалкое существование, Уэйн, – сообщила она.

– Почти столь же жалкое, как и вы, – ответил Брюс.

– Неужели? – Женщина усмехнулась. – В таком случае, несладко тебе приходится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.